

Вячеслав Кумин

Адам. Братский анклав

Вячеслав Кумин
Адам. Братский анклав

«Автор»

2013

Кумин В.

Адам. Братский анклав / В. Кумин — «Автор», 2013

Недалекое будущее. Астероид Апофис оказался достоин своего названия. На очередном витке он вплотную приблизился к Земле, был захвачен и разрушен притяжением Луны и осколки устремились к планете, равномерно покрыв ее поверхность. И все бы ничего, разрушения были минимальны, но астероид нес в себе бомбу замедленного действия, а именно взрывообразно размножились. По планете прокатились эпидемии буквально выкашивающие население, более того вирусы вмешались в геном животного и растительного мира вызывая мутации. После многочисленных неудачных попыток зачистить планету от взрывоопасной угрозы, от отчаяния перешли к радикальным методам борьбы, путем выжигания заразы ядерным оружием. Мир оказался в руинах, население – на грани вымирания, воцарился упадок и всеобщий хаос. Но столь радикальный способ борьбы с взрывоопасной угрозой не только не ликвидировал угрозу, а наоборот подстегнул мутационные процессы... «Уважаемые читатели, имейте в виду, что романы «Адам. Метро 2033. Новосибирск» и «Адам. Братский анклав» не являются серией, это независимые книги, на одну тему, со схожим содержанием, переработанные для любителей фанфиков к «Метро 2033» и независимой постапокалиптике соответственно. И если вы прочитали одну из них, то вторую можете не брать». Вячеслав Кумин

© Кумин В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вячеслав Кумин

Адам. Братский анклав

Пролог

По данным ученых астрономов в 2029 году астероид Апофис массой в пятьдесят миллионов тонн и диаметром в триста двадцать метров должен был пролететь рядом с Землей в каких-то ста тысячах километрах.

Но что-то ученые не учли, где-то ошиблись, а может на сам астероид повлияли какие-то силы вплоть до того что его курс могла сбить солнечная вспышка с мощным выбросом вещества или, что более вероятнее, он столкнулся с другим небесным телом коих в космосе превеликое множество, но как бы там ни было, вместо того чтобы пролететь мимо, астероид ударил в цель. Сначала его захватила гравитация Луны, в результате чего он разрушился на несколько кусков и уже эти обломки точно шрапнель ударили в Землю.

Разрушения и жертвы непосредственно от удара оказались минимальны. Смертельная опасность таилась в ином...

Ученые долго спорили, гадали, есть ли жизнь в космосе, вне пределов Земли. Оказалось что есть и Апофис ее принес.

Недолго ученые радовались сенсационной находке. Внеземная жизнь эта оказалась такой, что лучше бы ее не было совсем. Чужеродные организмы прошедшие многие сотни миллионов лет в спячке, в благоприятных условиях Земли проснулись, и стали быстро размножаться.

Чужеродные бактерии убивали все живое. А что не убивали – изменяли до неузнаваемости. Они поражали клетки, встраиваясь и изменяя ДНК растений и животных.

По планете прокатились опустошительные волны эпидемий выкашивающих население. Пустели города. Остановились заводы и фабрики, на них просто некому стало работать.

С Заразой боролись всеми доступными средствами. Дошло даже до применения оружия массового поражения по очагам заражения: химического, биологического... ядерного.

Но тщетно. Столь радикальные меры лишь притормозили распространение агрессивной инопланетной формы жизни, уничтожили совсем уж буйные очаги, но не остановили совсем. Зараза проникла слишком глубоко, более того как выяснилось впоследствии химия, биология и радиация только подстегнула мутационный процесс и стало только еще хуже.

В итоге мир оказался в руинах, население – на грани вымирания. И лишь вопрос времени, как долго сможет продержаться исконная форма жизни в ее первозданном виде.

Глава 1

– Вставай соня...

Теплый голос матери и легкое теребление за плечо разбудили Адама.

– Вставай, а то проспичь завтрак.

– Сколько уже?

– Половина восьмого.

Адам нехотя откинул старое в заплатках клетчатое черно-зеленое одеяло и свесив ноги сел на кровати, посмотрел на часы – старый заводной будильник, с вышедшим из строя звонком.

– Действительно, заспался... Так и на работу опоздать можно.

– Вот и я про что.

Начался новый серый день, ничем не отличающийся от тысяч тех, что канули в лету и многих тысяч тех, что придут им на смену. На какое-то мгновение ему остро захотелось, чтобы произошло хоть что-то, что изменило бы жизнь сделало бы ее ярче, насыщенные, что ли.

«Но может это и к лучшему, что ничего не меняется, – думала рациональная половина сознания Адама. – Бойся желаний своих, ибо они имеют склонность исполняться, но не совсем так, как ты этого хочешь. Разнообразие обстановки как правило не ведет ни к чему хорошему и как бы плохо ни было, может стать только еще хуже, хотя порой и кажется что хуже уже быть не может. Да жизнь может стать ярче, насыщеннее, так что дальше некуда, вот только потом как бы не пришлось жалеть и желать, чтобы вернулись серые будни... так что к черту. Это все юношеский максимализм, и его надо давить иначе быть беде».

Как бы там ни было, но существование, именно существование, однообразное, унылое, серое, в замкнутом пространстве небольшой деревушки на три десятка домов обнесенной высоким частоколом, из-за которого лишний раз не высунешься ибо выходить можно только с большим хорошо экипированным отрядом, убивало душу, и она как любая другая душа молодого восемнадцатилетнего человека, проходя этап максимализма, требовала перемен, как бы он ни старался задавить в себе эти желания. Но нет-нет, а то и дело просыпалось потребность хоть каких-то изменений, чтобы разорвать это сводящий с ума замкнутый круг уныния, четкого осознания собственного бессилия, понимания отсутствия будущего как личного его Адама Соколова, так и для человеческого вида в целом. Понимание того что вымирание людей как расы неизбежно, тоже накладывало свой отпечаток на индивидуальное человеческое сознание.

– Умойся...

Адам послушно вышел из спальни на тесную кухню их однокомнатного домика, если не считать эту самую кухню с небольшие сенями-прихожей и умылся из умывальника. Всполоснув лицо холодной водой, парень почувствовал, как улетучились последние остатки сна, но гнетущее ощущение никуда не делось, даже наоборот проявилось еще явственнее.

Впрочем, оно поселилось давно и навсегда, не только в нем, но и у всех жителей деревни Тунак, расположенной на одноименной речушке, баронства Бонд, что расположилось в окрестностях поселка Новая Уда, что примерно в двухстах километрах от Братска на юго-юго-восток, переименованное в пресловутый Бонд, где по сей день правил основатель сего баронства – барон, его светлость Алексей Бондарев. Само баронство состояло из переименованного городка на три тысячи жителей и трех деревень еще по пятьсот душ в каждой.

Подобные же упаднические настроения царили в головах остальных жителей деревни как и в умах людей прочих деревень и городков остальных баронств, графств и герцогств с княжествами. Это Адам прекрасно понимал, но пока не научился игнорировать его, как это умели некоторые заталкивая свои чувства куда-то глубоко, и потому до боли сжимал зубы, когда волна особенно острой меланхолии накатывала на него, накрывая, что называется с голо-

вой и хотелось то лечь стоял и просто сдохнуть, то бить и крушить первое что подвернется под руку. Но пока удавалось сдерживать свои разрушительные позывы.

От сего тяжелого недуга под названием Знание полностью избавлены только умалишенные. Только они не замечали неправильность окружающего их мира и принимали все как само собой разумеющееся, будто так все и должно быть. Адам им даже в какой-то степени завидовал. Наверное, это действительно хорошо жить, не зная, что будущего нет. Не зная, что все они давно обречены...

«Сколько времени нам еще отмерено? – вновь невольно подумал он. – Двадцать лет? Тридцать? Сорок? Сто?! Сколько бы ни было отмеряно, но рано или поздно внеземной вирус нанесет свой смертельный удар, видоизменив или уничтожив все, что им еще не изменено и не уничтожено...»

А те, кто знает, далеко не всегда выдерживали эту ношу тяжкого знания. И так же пытались убежать от реальности, уйти в легкий и светлый мир сумасшедших искусственным путем, до невменяемости надираясь дешевой брагой или докуриваясь до зеленых чертиков, тем самым становясь презираемым отбросом общества.

Кто-то чтобы не быть презираемым всеми и не желая мучиться, просто стрелялись или вешались.

Пока Адам умывался, его мать открыла крышку небольшой чугунной сковородки, и кухню наполнил аппетитный аромат свиного жаркого, бобов и грибов. Аж слюни потекли, да так обильно, что пришлось сглатывать их трижды за пять секунд.

– Вкусно... Спасибо мам.

– Пожалуйста, – улыбнулась мать.

И от этой улыбки Адаму стало еще хуже, чем было до еды. Мать за последний год сдала особенно сильно. Из довольно красивой женщины сорока лет она превратилась в шестидесятилетнюю старушку... Под глазами пролегли темные круги, кожа осунулась и избороздилась морщинами, что с каждым годом становились только все длиннее и глубже.

Причиной ухудшения стало загадочное исчезновение отца. Вот вроде был человек, и вдруг не стало. Он ходил охранником с караванами торговцев меняя произведенную в Тунаке и прочих деревнях, а так же Бонда продукцию на товары других баронств или даже в сам Академгород. Шли по знакомому и вроде безопасному сотни раз хоженому маршруту, но как рассказывали остальные члены группы, в какой-то момент им стало плохо. Ни с того ни с сего начались галлюцинации, у кого-то даже случились эпилептические припадки, а когда отпустило, то выяснилось, что двух членов группы не хватает: отца и еще одного человека. Исчезли, будто и не было. Никаких следов, ни борьбы, ни крови, товар цел... Мистика да и только.

Осознавать это было тяжелее, чем если видеть постепенную кончину человека, вследствие деградации от той же браги или наркотиков, даже осознание того что близкий человек покончил с собой удавившись в петле или всадив пулю в голову, происходит легче, наверное даже с облегчением, как бы черство это не выглядело, чем такое вот бесследное, а еще хуже непонятное исчезновение здорового человека.

Что ж, это был не первый и не последний случай исчезновения людей. Чьих это рук, оставалось только гадать. Приходили ли за ними мутанты людоеды «психи» способные подавлять психику жертв, как утверждало большинство или случалось что-то еще, оставалось неизвестно. Чаще это были нападения обыкновенных разбойников – пиратов проклятых земель, живших вне пределов Братского анклава, но не в данном случае.

Адам, отогнав все тяжелые мысли, запрятав их в дальний уголок сознания, быстро позавтракал и заторопился на работу, будто стараясь убежать от них еще дальше. Может, так оно и было.

– Ну, все мам, мне пора.

– Давай... – кивнула она и принялась за домашние дела: прибираться и мыть посуду.

* * *

Адам поспешил на птицеферму располагавшуюся на южной стороне поселка. На ней выращивали кур. Расположение птицефермы обуславливалось тем что южный ветер редкий гость в данном месте, по крайней мере значительно реже чем северный, восточный или даже западный. Хотя время от времени деревню накрывал густой запах свойственный подобным предприятиям.

Помимо куриц держали свиней, но немного, для себя, не на продажу.

За периметром деревни располагались огороды. Их тоже огородили, но не мощным частоколом как саму деревню, а легкой плетенкой.

Сама птицеферма представляла собой длинное дощатое здание. У стен стояли длинные стеллажи с самодельными проволочными клетками с курицами внутри. С правой стороны томились в заточении куры несушки, основным делом которых было нести яйца, а слева выращивали куриц на мясо.

И то и другое являлось главным экспортным товаром Тунака.

– Здорово, Адам, – приветственно махнул приятель рукой с зажатым в кулаке скребком с густо налипшим на нем куриным пометом.

– Здорово Радар, – поздоровался Адам с Федором Липецким прозванного так сверстниками из-за торчащих ушей. Впрочем, он на это не обижался. – Поттише граблями маши, а то заляпаешь всего. Вон как летит во все стороны... Я только пришел и с самого утра ходить в говне у меня нет никакого желания.

– Неженка. Ребро еще цело?

– В смысле?

– Ну проповедники говорят что Бог создал Еву из ребра Адама...

– Да иди ты...

Адам отмахнулся от приятеля, но тем не менее украдкой взгляделся в плохо освещенный коридор в поиске девушки. Может это и смешно, но ее действительно словно в пику звали Евой. Впрочем чему удивляться? Имена Адам и Ева после того как рухнул старый мир стали довольно популярными. В этих именах словно была заключена надежда на возрождение. И потом они дети нового мира, так что и имена стали весьма символичны.

Правда такую необычную девушку все звали не иначе как Мальвина. И неудивительно получить такое прозвище при волосах отдающих легкой синевой.

«Наверное еще не пришла», – подумал он.

– Она еще не пришла, – подтвердил Радар, словно читая мысли.

Адам чуть покривился. Он был далек от того чтобы думать, будто Федор умеет читать мысли, просто ему не понравились, что его можно так легко раскусить. Но что поделать, деревня есть деревня. Все у всех на виду не скроешься, не спрячешься, все про всех знают. Достаточно нескольких взглядов, чтобы пошли шепотки, подначки и всевозможные криво-толки...

Но Ева ему действительно нравилась, несмотря на то, что выглядела блеклее остальных и... этот синеватый цвет волос. Но было в ней что-то такое притягательное. Может быть просто своей необычностью, диковинностью. Да и со временем она становилась все симпатичнее, как в сказке, из гадкого утенка с годами превращалась в лебедя.

Из-за странного цвета волос ее не брали в компании другие девочки, обидно называя мутантом. Хотя кроме волос и излишней бледности не было ничего такого, чтобы называть ее мутантом. Хотя поговаривали, что она родилась от сталкера пробывшего черт знает где слишком долго и там где ходить не следовало...

Но людям только дай почесать языком, они и не до такого договорятся.

Еву из-за этих синеватых волос даже хотели поначалу как прочих мутантов родившихся с совсем уж очевидными патологиями вроде третьей руки, ноги, уродства лица, излишней волосатости, каких-то костных наростов и так далее и тому подобное, удавить по так называемому Спартанскому закону, но мать как-то отстояла. А потом удавить никогда не поздно... И правда, ну подумаешь синенькие волосы, в остальном то она в полном порядке. Кровь по ночам у соседей не пьет, в волка не обращается.

– А ты с синенькой уже того... – в который уже раз допытывался Радар.

– Чего? – сразу соорил морду кирпичом Адам и вообще прикинувшись умственно отсталым, до которого доходит как до жирафа.

– Ну я говорю, ты с Му-м-мальвиной уже того, этого самого?

– В рожу дам и уши оборву, – без тени улыбки пообещал Адам, отметив оговорку, на которую он в последнее время стал реагировать особенно остро, даже болезненно.

– Молчу-молчу...

Нет, так далеко у него с Евой не дошло. Хотя конечно, ему как и любому другому нормальному парню этого хотелось. Но, во-первых, как-то уж очень невнятно у них складывались отношения, можно даже сказать боязливо, а во-вторых, как тут уединиться у всех на виду? Укромных мест тоже нет. Все близкие отношения только после свадьбы, а до – нужно как-то изворачиваться, что не приветствуется и в случае обнаружения – прямой путь под венец. Тем более мать девушки ее далеко от себя не отпускала, да и мать Адама была похоже против их отношений.

Так и переглядывались, перебрасывались ничего незначащими фразами, да во время кинопросмотров в общественном доме садились поближе друг к другу. Просто сидели и им было хорошо друг с другом даже без слов, собственно даже говорить ни о чем не хотелось.

Хотя с другими девчонками, особенно парочкой слабых на передок, можно было довольно свободно по быстрому перепихнуться где-нибудь в темном уголке, особенно если кто-то покараулит на стреме. А вот с ней сразу чувствовалось, такой номер не прокатит, с ней только всерьез, как говорится со штампом в паспорте, а так чисто сбросить напряжение и разбежаться, то не про нее.

Да и ничего не значащий быстрый секс в темной подворотне без вдумчивости и расстановки, без взаимных чувств, уже не приносил удовлетворения, даже наоборот, оставляло ощущение какой-то замаранности.

Отметившись в журнале прихода-ухода, отметки о прибытии Евы действительно не было, взялся за нехитрую работу по уходу за домашней птицей. Требовалось регулярно проверять, не снесла ли курица яйцо и в положительном случае забирать его и складировать в специальном леднике, где с прошлой зимы лежит лед, так оно дольше сохранится, нежели курица ведомая инстинктом будет его высиживать, согревая своим теплом.

Потом нужно следить за состоянием поилок, кормушек и по мере необходимости подливать воду и подсыпать еды с мелкими камешками и песком, для лучшего пищеварения. Ну и счищать помет с поддона изрядно накопившийся за ночь и далее появляющийся днем, чем собственно уже и занимался Радар, но скоро наступит его очередь.

Кроме того время от времени какая-нибудь курица каким-то чудом выбиралась из клетки и начинала гулять, того гляди совсем убежит, став обедом для какой-нибудь крысы-мутанта. Беглянку естественно требовалось изловить и затворить обратно, чтобы этих монтекристо в перьях не вычли из и без того скудной зарплаты.

Бывало приходили в конец обнаглевшие крысы, поодиночке или мелкими бандгруппами. Их отстреливала из рогаток молодежь. Ну а если нападала достаточно крупная стая, то для этого всегда наготове имелся дробовик и пара охотничьих двустволок.

– А-а! – вскрикнул Адам и выдернул палец из клетки.

– Что случилось?! – подбежал к нему Федор.

– Курица за палец укусила! До крови! Я хотел яйцо забрать, а она как цап меня за палец тварь такая!

В качестве подтверждения Адам продемонстрировал окровавленный указательный палец. Кровь медленно сочилась из порезов.

– Ни фиги себе... Но может ты о проволоку поцарапался?

– Да нет же! Своими глазами видел, как она меня хватанула за палец. Говорю тебе, она зубастая! Разве может обычный клюв такие раны оставить?!

А ранки действительно были весьма специфические.

– Не может быть!

На шум подошли старшие. Узнали что за шум-гам и внимательно осмотрели рану. Кусачую кудахчущую и недовольно хлопающую крыльями курицу осторожно вытащили из клетки и пристально рассмотрели ее клюв.

– Действительно зубастая, – с несколько ошарашенным видом констатировал бригадир смены Юрий Михайлович.

Среди собравшихся работников пробежал шорох изумленных шепотков.

– Курица мутант!

– Мн-да, дела... – проронил бригадир и засунул мутантную курицу обратно в клетку, где она тут же снесла яйцо.

– Вы ее оставите тут? – удивился Адам.

– А что с ней делать?

– Но она же мутант! Монстр!

– Ну и что? Яйца-то она несет.

– Несет... – тупо кивнул Адам.

– Ну вот, а больше нам от нее ничего и не надо, – кивнул Юрий Михайлович. – Яйца они яйца и есть. Не излучают ведь... Главное чтобы из них уже реальные мутанты не развились. А так... – пренебрежительно махнул он рукой. – И вообще ребята, что в этом такого? Ну подумаешь зубы у курицы появились...

– Да что вы такое говорите?! Отнеслись к этому так будто у нее не зубы отрасли, а... а... ну что-то незначительное!

– Ну что касается значительности или незначительности зубов у курицы и стоит ли по этому поводу так сильно волноваться, то все относительно.

– Это вы сейчас к чему?

– К тому, что если вспомнить, кто являлся предками у птиц, так я лично в этом ничего такого особого и удивительного не вижу.

Подбежала с аптечкой Ева, на которой была в том числе медицинская часть, и обеззаразив рану йодом, принялась перебинтовывать Адаму палец чистым лоскутком тряпочки из-за ветхости переведенной в разряд бинтов.

«И когда она только появилась? – недоуменно подумал Адам, снова почувствовав как хорошо ему рядом с ней. – Ради этого можно по десять раз на дню раниться. Надо бы запомнить эту курицу...»

– Спасибо...

Мальвина улыбнувшись под строгим взглядом своей матери, всегда работавшей с ней в одной смене, чтобы девчущку не обижали, а теперь еще и не приставали, убежала обратно.

– А кем были их предки Юрий Михайлович? – заинтригованно спросил Федор.

– Динозаврами.

– Это такие доисторические монстры?! – недоверчиво переспросил он.

– Да. Недавно как раз про них фильм в клубе показывали. «Парк юрского периода», называется. Смотрели?

– Конечно смотрели! И вы утверждаете, что курицы их потомки?!

- Именно.
- Обалдеть... Нет, не верю! Это шутка такая да?! Вы нас разыгрываете?!
- Нет, не разыгрываю. Это доказали ученые еще до Катастрофы, – серьезно сказал бригадир. – У них очень похожие скелеты, особенно лапы. Сам посмотри, ноги у них чешуйчатые.
- Точно... – кивнул Федор, тут же посмотрев на лапы у ближайшей курицы.
- И потом если есть эволюция, то почему бы не запуститься процессу инволюции? Или деволуци? В общем не важно... почему бы не запуститься процессу вспять?
- А такое разве возможно? – удивился Адам.
- А почему нет? Если однажды из чешуи развились перья, то почему невозможен обратный процесс. Кстати ученые как-то экспериментировали с этим делом и добились определенных результатов. А уж после того как нам на голову свалился этот треклятый астероид с внеземной жизнью, да потом еще наши всякой мутагенной отравой побаловались ее уничтожая, то чему удивляться, что в совокупности это дало такой эффект?
- Федор еще раз с интересом взглянул на зубастую курицу.
- А ведь у нее даже перья меньше... и ноги более чешуйчатые...
- Да ребятки, похоже круг эволюции действительно замыкается... На смену динозаврам в конечном итоге пришли люди. Кстати тоже говорят после великого катаклизма исчезнувшие, и тоже космического, метеорит упал правда обычный... хотя теперь уже кто его знает, может такой же заряженный вирусами как Апофис... И вот после нового космического удара динозавры снова возвращаются из исторического небытия. Говорят же кстати, что уже птеродакли летают. Раньше считал, что брехня полная, выдумщики всякие треплются, но сейчас я не стал бы утверждать это столь категорично. Более того уже откровенно склонен верить подобным рассказам, – тихо добавил бригадир, кивнув на клетку с зубастой курицей сидящей в своем гнезде как ни в чем ни бывало и с интересом поглядывая на людей то одним, то другим глазом на свой птичий (птичий ли?) манер.
- Друзья согласно кивнули. После такого доказательства можно поверить не только в летающих птеродаклей но и в ожившего, точнее возродившегося тираннозавра Рекса.
- Бр-р-р...
- Я даже боюсь представить, как будет в скором времени выглядеть наша куриная ферма, – усмехнулся Адам.
- Да уж, веселого мало, – тоже улыбнулся бригадир. – Клетки с маленькими динозаврами несущих яйца. Это действительно та еще будет картинка!
- А уж как у них яйца тогда будут забирать! – хохотнул Федор. – Все пальцы пооткусывают к чертям! Я уже боюсь к ним руки совать... так ведь действительно без пальца не долго остаться. Нужно срочно кольчужную перчатку делать. Без нее я больше туда руку не суну.
- Ну, к этому времени наверняка сделают настоящую линию с автоматическим забором яиц. А с перчаткой это ты верно подметил. Сделаем.

* * *

Ажиотаж вокруг курицы спал, тем более выяснилась что эта зубастая такая одна и скучная работа продолжилась. Правда на этот раз она была не такой уж скучной. Любое движение курицы головой провоцировало немедленное одергивание руки. Впрочем, к концу смены все вошло в привычную скучную колею. Курицы, в том числе зубастая, больше никого не кусали.

Адам стал подумывать чем заняться по окончании смены.

Делать особо действительно нечего. Из всех развлечений только старые книги перечитанные по три-четыре раза, да фильмы, показываемые раз в день, в смысле вечером на большом ЖК-экране с диагональю полтора метра. Энергию получали от дюжины ветрогенераторов и

одной маленькой гидроэлектростанции, для чего пришлось перекрыть русло речушки, создав довольно внушительное водохранилище.

Такие телевизоры являлись очень большой ценностью, никто их больше не производит, большая часть подобной электронной аппаратуры после войны с Заразой с применением ядерных бомб вышли из строя, потому часто не использовали, берегли ресурс до последнего.

Кассеты и диски так же являлись большой ценностью. Они, особенно кассеты, после нескольких лет хранения в неудовлетворительном состоянии быстро портятся. Диски более долгоживущие, но и они не вечные.

Но потом еще не факт что показываемый фильм он еще не видел или понравился настолько, что его можно пересматривать несколько раз. Такое случалось довольно часто. Многим не нравились ужасы, постапокалипсис, о мертвяках и тому подобном. Оно и понятно, они и так живут в ожившем кошмаре и самом настоящем постапокалипсисе.

О войне тоже смотрели с неохотой. Заварушки то и дело случаются, года не проходит, чтобы где-то не возник маленький локальный конфликт. В свое время и Бондское баронство не обошла стороной война. То Бондарев с кем-то чего-то не поделил и шел на кого-то войной, но на него наезжали с пальбой. В этом плане общее название «Братский анклав» для территории, где достаточно компактно проживали люди, звучал как издевка. Уж чего-чего, а братских чувств людям как раз не хватало. Мало того что окружающий мир словно стремился поглотить людей, так и сами люди друг друга изводили по мере своих сил. А сил на это у них есть и немало.

Большой популярностью пользовались различные комедии, любовные истории, просто документалистика.

Да и то не всегда. Нелегко смотреть о том, что было, как жили люди раньше, на чистой и безопасной планете, хоть и плакались о загрязнении окружающей среды, и как им приходится существовать сейчас, что называется почувствуйте разницу. Это, мягко говоря не очень-то воодушевляло – душу рвало.

«Может потому так много пьющих и нарков? – подумалось Адаму, далеко не в первый раз. – Может тогда вообще лучше запретить показы? Или они тоже стали своеобразным наркотиком, без которого не прожить? Знают, что будет плохо, но и не смотреть невозможно».

Случалось впрочем, что в Тунак заглядывала странствующая труппа артистов, редко, ибо Бондское баронство находилось на самой окраине Братского анклава, но все же случалось. Но их представления Адаму совсем уж не нравились. Не понимал он этого искусства, кривляния на сцене. А вот тот же Федор очень даже обожал. Просвещенный, хотя по виду не скажешь.

Ну и последнее развлечение – байки и новости передаваемые из уст в уста, так что вскоре новости прошедшие через пятые-шестые руки и обросшие дополнительными подробностями переходили в разряд баек особенно если они изначально были невероятными по своей сути.

Чтобы окончательно не свихнуться люди обзаводились различными хобби. Кто-то что-то мастерил из никому ненужного хлама, кто-то лепил скульптуры из глины, резал из дерева и так далее и тому подобное. Но и тут Адам ничем не выделялся, не мог он найти себя в хобби. Оставалось только книжки читать.

Приятели налегли на работу, а то курицы словно задались целью им эту работу подвалить, после кормежки начали активно гадить, нести яйца и опустошать поилки.

– Слышал, на севере опять что-то беспокойно... – доверительным шепотом сказал Федор, покосившись на взрослых, когда образовалось свободное от работы время.

– Нет, а чего там? – без особого интереса поинтересовался Адам.

И сам себе удивился, своей полной апатичности, наверняка тревожным вестям. Ведь известно, что если в одном месте аукнется, то в другом обязательно откликнется. У серьезного конфликта есть нехорошее свойство разрастаться, втягивая в себя все новых участников. И

спрашивается, чего людям мирно не живется, когда их и так осталось с хрен да маленько, так нет, надо еще собственное поголовье сократить.

– Слышал будто Аталанские хотят подмять под себя Юрьевское баронство.

– Понятно. Не в первый раз.

Так называемое Аталанкское графство действительно уже дважды за последние три года пыталось подмять под себя соседнее баронство. Несмотря на совершенно неравные весовые категории, два городка и дюжина деревень общей численностью населения в пятнадцать тысяч человек у графства и пять деревень с полутора тысячами душ у баронства, аталанксы каждый раз уходили ни с чем. То что юрьевским помогал соседнее баронство Тур, можно было не считать, так как оно было не больше Юрьевского, а то и поменьше в численном выражении населения.

Не очень понятно зачем собственно граф хочет прибрать к рукам юрьевских и несомненно их соседей туровских, ведь они окраинные и через них не проходит никаких путей сообщения, как и сырьевом плане небогатые.

«Разве что завоевание ради завоевания?» – подумал Адам.

Войны по подобным причинам тоже случались. Всегда найдутся сластолюбцы, а чем больше территории под властью, тем больше людей зависит от твоей воли и это кому-то в дикий кайф.

– Нам это не страшно, – отмахнулся Адам. – Где они и где мы. Лишь бы на наших соседей светолобовских и среднемуйцев не напали.

– Это – да, – согласился Федор. – Мигом перекроют нам кислород. А у нас даже никаких дополнительных ходов нет. Только по основной линии и можем общаться с другими...

Что касается появления таких административных единиц с такими архаичными названиями как баронства, графства и прочая, с соответствующими абсолютными формами правления и взаимоотношения, то этому имелись свои причины.

Спустя годы после падения астероида, судорожной борьбы с Заразой, огромных человеческих жертв и наступившей за этим всеобщей анархии, наступило время выживших. И люди выживали как могли закусываясь в своих тесных сообществах деревнях, селах и городках не принимая никого со стороны. Все боялись, что вместе с чужаками придет Зараза.

Но нашлись люди, где-то надыбавшие оружия, как правило военные или полицейские, в общем всякого рода силовики, начавшие процесс «собираения земель». Иногда это были достойные люди действительно хотевшие изменить ситуацию к лучшему, хотя бы на небольшом участке территории, но чаще на вершину олимпа возносились маргиналы желавшие лишь личной власти.

Стали покоряться населенные пункты городки и деревеньки. И как-то само собой образовались чуждые русскому слуху баронства, графства, герцогства. Впрочем и привычные «княжества» ничем не отличались от чуждых наименований, суть у них была одна – подчинение людей силой оружия и сбор налогов. В обратную сторону как правило ничего не шло.

Установилась самая настоящая феодальная власть, со своими законами, армиями, поборами... даже там где на вершину олимпа вознеслись достаточно вменяемые люди. Просто время наступило такое, что не до демократической болтовни, действовать зачастую требовалось быстро и решительно.

– И зачем им это только нужно? – недоумевал Радар. – Взять с новых территорий особо нечего, только силы распылять для контроля завоеванного. Территория ради территории?

– Да кто их знает? Может моча в голову ударила? Мало ли что? Может у них там свой Наполеон завелся решивший захватить весь Анклав.

Анклавами назывались территории на которых относительно компактно проживали люди. Какие-то области уцелели лучше других и куда стекались выжившие сбегая от всякой заразы и мутантов. Прочие территории опустели полностью и между анклавами могли тянутся многие сотни километров пустой территории называемых Дикими землями.

Анклавы объединенные под одной рукой звались уже королевствами или царствами в зависимости от желания узурпатора. И очень редко когда республиками.

На данный момент количество анклавов на территории России насчитывалось порядка десяти. Может их было больше, но не все желали о себе заявлять. Какие-то были больше Братского, какие-то меньше, но считалось, что общее их население насчитывает от двух до двух с половиной миллионов. Немного, учитывая сколько жило людей раньше.

По остальному миру дела обстояли не лучше, а то и хуже. Особенно это касается густонаселенных стран таких как Китай и Индия. Там зараза в их благодатном климате распространялась особенно быстро. Имелась информация всего о трех анклавах в Китае и пяти в Индии.

Что касается Диких земель, то абсолютно пустыми они конечно не были. Там встречались поселения, даже городки, но очень редко. Гораздо чаще там встречались морлоки – люди подвергшиеся мутации инопланетным ДНК. Одни мутанты жили себе мирно, никого не трогали, по сути они те же люди, просто уроды. Другие – просто дикие животные. Прибежищем последних служили большие города. Именно оттуда они время от времени отправлялись в набеги на Анклавы и королевства и тут уже всем приходилось отбиваться сообща забывая о разногласиях и обидах.

– Ну это вряд ли... в том смысле что это вряд ли кому-то удастся. Раньше такие попытки предпринимались не раз и никому не удавалось.

– Как знать?.. Может очередной воитель озверев от скуки, решил что ему это удастся и он сможет стать королем дабы зваться его величеством. – Пожал плечами Адам. – По крайней мере захватить Анклав вполне реально.

– Наверное, – согласился Федор. – Но все равно странно как-то. Вот так вот взяться за оружие и пойти войной на соседей, чтобы один человек мог потешить свое самолюбие, упиться властью.

– Мне это тоже непонятно, – кивнул Адам. – Но говорят что власть это как наркотик и ее всегда мало, хочется все больше и больше.

– Но почему другие люди соглашаются воевать за кого-то? Их могут убить только из-за того что кто-то захотел чтобы его отныне звали не бароном, а графом или не графом, а герцогом или вовсе королем.

– А вот даст тебе наш барон решивший стать графом в руки оружие и скажет идти и воевать. Ты что сделаешь?

– Э-э...

– То-то и оно... пойдешь как миленький и будешь стрелять в тех на кого укажут.

– Сбегу.

– А родители? Они могут пострадать из-за твоего дезертирства.

– Хм-м... но есть ведь и те кто по собственной воле воюет.

– Наемники... они воюют за деньги.

– А как же добровольцы?

– Для меня они просто дурни которым запудрили мозги, особенно это касается религиозных фанатиков, – сказал Адам. – Хотя конечно может быть и несколько другой вариант...

– О чем это ты?

– Наш доктор дядя Матвей рассказывал как-то историю о мореплавателях замерзших в паковых льдах где-то у берегов Канады.

– Я не слышал... – пробормотал Федор, на несколько мгновений задумавшись для проверки архивов своей памяти и тут же с жаром попросил: – Расскажи!

– В общем совершали эти мореплаватели какое-то путешествие, но чего-то не рассчитали с курсом, заплыли дальше на север чем следовало да еще в зиму и замерзли. В общем делать нечего, помощи ждать тоже неоткуда, продовольствие и топливо кончаются, половину своего деревянного корабля и так уже на дрова пустили, другую половину вот-вот льды раздавят как

гнилой орех и чувствуя что скоро наступит окончательный каюк решили они пробиваться на юг. Вот только не пробилась они никуда. Потом когда их почти столетие спустя нашли, выяснилось что они ходили кругами вокруг своего корабля, таская с собой невообразимое количество совершенно ненужного хлама вроде кресла-качалки, тяжелого стола, сундуков с одеждой, тяжелые подсвечники и так далее.

– И почему же они этот хлам с собой таскали? – заморожено спросил Радар.

– Отравились чем-то токсичным, вроде бы свинцом. В то время как раз изобрели консервы и жестяные банки к ним. А крышки запаивались каким-то токсичным металлом, не зная, что он токсичен. Вот они его и нажрались вследствие чего в массовом порядке потекли крыши. Кто-то сказал, что им этот хлам в пути жизненно необходим, вот они его и таскали, даже не думая сомневаться в правильности слов вожака.

– И ты думаешь...

– А почему бы и нет? – пожал плечами Адам. – Может они какую-то разновидность Заразы подцепили? Мозги набекрень и поплыли. Тут кому-то в башку приходит идея захватить соседнее баронство или даже весь Анклав, дескать все будет наше и житуха начнется как в раю, и остальные ее с радостью поддерживают, не задумываясь даже, а на кой фиг им все это надо и что их могут поубивать и чем жизнь будущая будет, если им все же повезет выжить и не стать калеккой, кардинально отличаться от нынешней.

– Бр-р... – вздрогнул Федор. – Я бы не хотел, чтобы со мной вот так же произошло... чтобы я повелся на какую-то глупую идею приняв ее за истину в последней инстанции.

– Да уж, хорошего мало. Но вся гадость в том, что мы не сможем этого определить и уж тем более воспротивиться, ведь крыша уже улетела и помахала нам на прощание рукой.

– Надеюсь что сможем...

– Будем надеяться, что так, – кивнул Адам, но сердце неприятно сжалось в ощущении чего-то гадостного.

Вся смена прошла под этим еще более чем обычно давящим ощущением. Как бы плохо ни было, но худой мир лучше доброй войны. Баронство Бонд уже давно не сотрясало ничего подобного. Барон вроде как остепенился или может понимает, что рассчитывать ему особо не на что. Так что сражения проходили где-то далеко. А если их и захватят, то скорее всего однажды просто узнают что перешли в подчинение того или иного владельца и налоги нужно отправлять по другому адресу. Никто особо с этим не заморачивался. Какая собственно разница простым людям кому платить?

* * *

Похоже староста Бочаров тоже не на шутку встревожился слухами о возможном конфликте Аталанкского графства с баронством Юрьевским. Выразилось это во внеплановых учениях. В так называемой армии самообороны состояли все кто мог держать в руках оружие и приучали к нему с малых лет. Со стрельбами правда был напряг. Ополченцы за все время отстреляли максимум по десятку патронов, так исключительно лишь ради того, чтобы знать, как это в реальности происходит.

Так Адам Соколов, как и все мужское население и частично женское, знал и умел обращаться со всем арсеналом, от переделок в боевые газовых пистолетов и раздолбанных полицейских ПМ, до охотничьих карабинов «сайга».

Увы, но настоящего боевого оружия вроде «калашей», не говоря уже о пулеметах, тем паче всяких там гранатометах, в Тунаке не имелось. Только охотничье. Все самое лучшее оружие естественно хранилось на складах владельца и вооружались им только дружинники.

Собственно они в большей степени и обязаны оборонять поселения баронства от врагов будь то люди или мутанты. Ополченцам надо лишь дожидаться подхода помощи, благо что все деревни находятся буквально в десятке километрах от Бонда.

Впрочем, и того что имелось в поселениях хватало с избытком чтобы устроить если не настоящую войну, то по крайней мере отбиться от мелких банд супостатов и мутантов то и дело выходявших к людям мелкими группами. В конце концов они «внешние» владения, это не «внутренние» земли, где от всяких мутантов не говоря уже о разбойниках избавились давным-давно. По крайней мере, так все думали. Так спокойнее.

Адаму с Федором на двоих дали одно ружье. Предполагалось, что второй возьмет оружие напарника, если первого стрелка ранят или того хуже – убьют.

– Дай мне ствол... – тихо попросил Радар.

– Зачем?

– Ну дай!

Федор невольно покосился на группу хихикающих девушек. Адам это не мог не заметить.

– Понятно... держи.

Соколов передал ружье Липецкому и тот с гордым видом занял позицию на стене частокола.

– Не лопни только. А то ишь, надулся как индюк, – не смог не подначить приятеля Адам. Федор немного стушевался и перестал пыжиться.

Сами учения заключались в том что «ополченцы» имитировали отражение нападения противника. Считалось, что это должно воодушевить и вселить в уверенность в том, что враг не пройдет. Хотя на взгляд Адама выглядело это довольно комично. Что подтверждали смешки девушек и откровенные подначки со стороны женщин.

Адам отыскал в рядах Еву. Заметив его взгляд, она слабо улыбнулась.

Для поддержания боевого духа населения Тунака, вечером в клубе в прокат запустили какую-то военную драму. Качество фильма оставляло желать лучшего, изображение мутное, а звук так и вовсе, то едва прослушивался, то гремел как лист жести. То еще испытание. Пиратская копия.

Впрочем, Соколов не всматривался и не вслушивался. Во-первых, фильм этот он уже видел, а во-вторых, все его внимание занимала Ева сидящая рядом. Может общее ощущение опасности, навеянное слухами и учениями, или просто ему надоело ждать, но он так или иначе осмелев, где-то к середине фильма с бешено колотящимся сердцем сжал ее руку в своей ладони.

Ева не вырвала свою руку. Тут даже самому тупому стало бы ясно о благосклонности девушки, а Адам тупым не был.

– Подожди моего сигнала... – отрывисто и давясь словами шепотом произнес Соколов и первым вышел из зала, молясь, чтобы в холле никого не было.

Потому как если там кто-то есть, то незамеченным в библиотеку пробраться не удастся. На счастье Адама в холле никого не оказалась и более того, на дверях библиотеки условного сигнала в виде обычного камушка не было, что означало отсутствие там посторонних.

Пока никто не зашел в клуб или не вышел, Адам юркнул внутрь и махнул ожидающей сигнала Еве рукой, тут же прикрыв дверь.

В небольшую щелочку плохо закрывающейся двери, до починки которой никому нет никакого дела, Соколов наблюдал, как Ева быстро отпросившись у матери, причину подобрать не трудно, фильм идет уже час без рекламных пауз, во время которых можно было справиться все дела, также покинула сообщество зрителей.

К счастью для парочки мать девушки не пошла вместе с ней, как то бывало раньше, видимо не заметила, что и Адам отсутствует в зале, а больше «бояться» некого, и девушка беспрепятственно вышла из зала.

Схватив девушку за руку, Адам бросился к в библиотеку, тем более что слышались чьи-то гулкие шаги снаружи и в клуб вот-вот кто-то войдет и все пойдет прахом.

Ева вопреки опасениям Адама оказалась едва ли не более страстной чем он, тем более что они оба понимали – времени у них мало, так что всякие долгие прелюдии сейчас не для них и отдались друг другу со всем пылом каким только могли.

Да, с ней все оказалось не так как с другими. Их обоих захватила бешеная страсть, будто у них это первый, хотя судя по всему у Евы так и было, и главное последний раз в жизни.

Адам потом долго удивлялся тому как они эти полки с книгами не обрушили на пол, а на шум не сбегалось все киноманы, а главное мать девушки, потому как под конец, по крайней мере, они уже не могли сдерживаться. Но пронесло, видимо кино оказалось все же интереснее какого-то глухого шума со стороны библиотеки.

– Адам... – прижалась девушка к парню.

– Все будет нормально Ева, – покрепче обнял он ее. – Я завтра же утром приду к вам и попрошу твоей руки и никто нам не указ.

Ева только счастливо улыбнулась.

Мать девушки вообще словно забыла про свою дочурку, увлеченная переживаниями киношных героев, смахивала выступавшие слезы, и опомнилась лишь, когда дочь вновь присоединилась ко всем уже в конце фильма.

– С тобой все в порядке дорогая? – озабоченно спросила она. – Ты так долго... Может что-то не так?

– Лучше не бывает ма... – улыбнулась в ответ Ева. – Лучше не бывает...

Если мамаша что и поняла, то не подала виду. Может решила что девочка и впрямь уже взрослая и чему быть, того не миновать. В конце концов от этого никуда не деться, рано или поздно случится.

Глава 2

Адам вернулся на свое место вообще к самому концу киносеанса, за минуту до начала титров. Мать Евы, заметив его возвращение, буквально ожгла парня суровым взглядом.

«Догадалась, – понял он. – Ну и ладно, все ровно завтра приду...»

Адам не успел додумать свою мысль, как деревню накрыл рев баззера боевой тревоги, замигали лампы в красных плафонах.

Перекрывая рев сирены, зал клуба заполнил истеричный женский вой, крики. Началась паника. Все куда-то заметались, ломанулись к выходу, давя друг друга, кто-то кого-то звал. Заплакали маленькие дети, осознавшие что происходит что-то нехорошее.

Раздался оглушительный пистолетный выстрел и обстановка на секунду затихла.

– А ну тихо! Что вы мечетесь как стадо?! – закричал староста Бочаров, держа пистолет стволом вверх. – Будьте организованнее! Ведь на учениях все же отрабатывали! Ну!

После окрика старосты эвакуация из клуба действительно пошла более упорядоченно. Первыми клуб покинули мужчины, ведь тревога боевая, и им надлежит как можно скорее занять свои места на стене согласно боевому расписанию. Но прежде получить оружие в оружейной, благо она как раз в пристройке клуба, далеко бежать не надо.

Как только клуб покинули мужчины торопливо получая оружие и боеприпасы, наружу поспешили женщины с детьми спеша укрыться в домах, а точнее в подвалах, чтобы никого не задело шальными пулями, когда начнется настоящее противостояние с противником.

– Занять боевые позиции!

Получив оружие, на этот раз им достался помповый дробовик двенадцатого калибра, один на двоих и ремень патронташ с двумя десятками патронов, половина из которых пулевые, а вторая часть с крупной картечью, Адам с Федором как на учениях побежали к своему участку стены.

– Ну почему же они напали на нас-то? – стуча зубами от страха, недоумевал Федор. – Ведь слухи были что они на юрьевских ползут...

– Значит дезинформация... слышал такое когда-нибудь.

– С-слышал.

– И потом, кто тебе сказал, что они не захватили юрьевских?

– То есть?

– Могли на два фронта сработать. Вполне реально, если все правильно рассчитать. Военной силы им для этого как раз хватит.

– А камышенские что? Почему они нас не предупредили о нападении?!

– Ты это у меня спрашиваешь?! А я-то откуда знаю?! Да и кто их знает?.. Может банальное предательство или диверсия, кто-нибудь оборвал кабель связи. Да и не об этом надо сейчас думать. Лучше заткись и слушай. А то я кажется что-то слышу...

Из темноты действительно донесся рык мотора.

Прожектора обшаривали близлежащее пространство, но пока ничего и никого засечь не удавалось. Неведомый противник подбирался к деревне со стороны небольшого земляного вала.

Радар так разволновался, что никак не мог зарядить оружие, патроны в его руках не попадали в казенник. От волнения он даже выронил один патрон и стал лихорадочно его подбирать. И волнение ребят неудивительно, ведь это первое нападение на деревню которое им приходилось отражать как защитникам. В прошлые лихие времена, когда столкновения случались гораздо чаще им было слишком мало лет, чтобы даже помнить их.

– Ч-черт!.. – ругнулся Федор, роняя второй патрон и чуть не падая на подкашивающихся от переизбытка адреналина в крови, ногах. – Я сейчас обделаюсь!

– Дай я!

Соколов, чувствуя себя немногим лучше товарища, отобрал оружие, и тоже едва сдерживая предательскую дрожь в руках, зарядил помповик патронами с пулями. На дальних дистанциях это самое то.

И вовремя. К деревне из-за пригорка, прямо по минному полю, не доверяя проторенной дороге (нападавшие правильно делали, так как там было прикопано несколько противотанковых мин плюс управляемые фугасы коим внешнее воздействие нипочем), ревя движком выехал грузовик. Правда, впереди у него был присобачен большой цилиндр собранный из полуметровых стволов. Этот «валик», когда грузовик доехал до зоны безопасности, и принял на себя взрывы противопехотных мин. Слабые взрывы, способные вывести из строя человека или мутанта не могли серьезно повредить разминирующее устройство и грузовик обшитый листами толстой пуленепробиваемой стали уверенно подкатывал к стене.

По грузовику сразу начали стрелять высекая искры из самодельной бронеобшивки.

– Чего ты не стреляешь?! – закричал Федор и даже попытался отобрать у Адама оружие, чтобы сделать несколько выстрелов по врагу.

– А смысл?! Если уж броню не могут пробить даже винтовочные патроны, то нашим свинцовым и вовсе делать нечего! Только патроны тратить.

Вслед за грузовиком уже практически добравшегося до стены побежали десятки людей укрываясь за самодельными стальными щитами. Наверняка тяжеленные дуры, не зря же их, как заметил Адам, катят на колесиках специальные люди, этикие передвижные стенки, а уже за ними прячутся вооруженные люди, но чего только не сделаешь чтобы от смерти укрыться.

Стрельбу с грузовика перевели на атакующих людей, но тоже без особого успеха, пули так же рикошетили высекая искры.

Грузовик тем временем проделав проход в минном поле уперся в стену и замолчал.

Люди с этого участка стены брызнули прочь, подозревая что это грузовик помимо функции минного тральщика выполняет еще и задачу по проделке бреши в стене путем подрыва фугаса. И то что водитель остался в кабине ничего не значит, долго ли обдолбать наркотиками какого-то идиота и в качестве камикадзе послать на убой? Такое в истории войн Братского анклава случалось не раз и не два.

Но нападавшие в этот раз так поступать не стали. То ли не нашли подходящего шахида, то ли пожалели транспорт, то ли зажали взрывчатку, то ли все вместе.

– Стреляй! – буквально взвизгнул Федор, глядя, как втягиваются в проделанный в минном поле проход солдаты.

– Да бесполезно!

Тем временем атакующие коротким очередями погасили прожектора. На поле боя опустилась тьма. Правда ненадолго. Методы противодействия были отработаны и защитники стали готовить нападавшим неприятные сюрпризы от которых они отбиться точно никак не смогут.

На стены подтащили ящики с бутылками «Коктейля Молотова», начав их раздачу проверенным метателям. Новичкам такую ответственную задачу поручать не стоит, могут тупо уронить себе под ноги, вдруг руки или пальцы судорогой сведет, или бросить недостаточно далеко из-за охватившей их в стрессовых условиях слабости.

– Сейчас мы им врежем... – глухим, охрипшим от напряжения голосом сказал Адам, изготавливаясь к стрельбе.

Несколько секунд на то чтобы запалить зажигалками фитили и в сторону противника огненными болидами по высокой траектории понеслись зажигательные посланцы.

Бум-бздынь... лопались бутылки с зажигательной смесью при ударе о усеянную битым камнем землю, как раз вот на такой случай. А то ведь при падении на мягкую землю бутылка может и не разбиться, а это напрасная трата припаса.

И на расстоянии от десяти до тридцати метров от стены растеклись огненные пятна полутораметрового диаметра, давшие достаточно света, чтобы все рассмотреть в мельчайших деталях, а главное окатившие огнем первые ряды нападавших.

Раздались дикие крики боли обожженных. Вот из стороны в сторону заметался живой факел. Ничего не соображая, желая лишь сбить с себя пламя, он выскочил из безопасной полосы и тут же подлетел в воздух, наступив на мину.

Вот еще один неудачник... Но этого пристрелили товарищи, чтобы не мучился наверное и не подвергал опасности других, ведь осколки от мин могут и им достаться.

Упало несколько щитов и тут же раздались частые выстрелы, буквально решеча тех, кто прятался за этими укрытиями.

Все произошло так быстро, что Адам даже не успел ни разу нажать на курок. Впрочем, еще ничего не закончено. Убито едва ли полдюжины врагов, а их тут тьма-тьмущая, не меньше сотни точно. Рано или поздно и до него очередь дойдет.

Нападавшие открыли ответную стрельбу, заставляя обороняющихся прятаться. С пригорка застучал крупнокалиберный пулемет, но даже ему было не под силу пробить стену поставленную из трех слоев бревен и эта стрельба нападавших никак не мешала метателям. Новые бутылки с бензином буквально перегородили путь атакующим.

Но увы, огненная стена сдерживала противника недолго. Все методы обороняющихся известны, придумать что-то новое при минимуме ресурсов дело трудное, а потому и методы противодействия отработаны.

Зашипели огнетушители заливая огонь пеной и нападающие ринулись вперед, через унявшее свою силу пламя, стремясь добраться до грузовика.

И тогда обороняющиеся вынуждены были прибегнуть к последнему довольно дорогому и редкому аргументу – гранатам. За стену полетело полдюжины гладких рубчатых «яиц» и после резких взрывов, криков под стеной значительно прибавилось как убитых и раненых.

Адам быстро глянул наружу и увидел как в луже огня корчились примерно дюжина человек еще человек пять лежало без движения. Упали щиты и снова раздалась заполошная стрельба кося врага оказавшегося без прикрытия.

Сделал два выстрела и Адам, но вот попал или нет, тут он сказать ничего не мог. Слишком все сума-тошно, страшно и непривычно, уж точно не стендовая стрельба, когда можно спокойно прицелиться зная что тебе ничего не грозит, в тебя в свою очередь никто не стреляет и нажать на курок. После чего подойти к мишени и посмотреть на результат.

И вот результат настоящего боя.

– Ч-черт! – вскрикнул Адам, отскакивая от бойницы.

В лоб что-то ударило и довольно чувствительно. Он мазнул рукой и увидел кровь, еще мгновение и она обильным потоком залила правый глаз.

Стало дурно, к горлу подкатил ком.

– Адам! Ты ранен?!

– Похоже на то... – ответил он отстраненно. – Возьми оружие...

– Что?

– Оружие возьми!

– А... ну да...

Федор схватил помповик и осторожно приблизился к бойнице. Сейчас ему стало не до картинных поз и зрителей, точнее зрительниц нет, да и сам он только что увидел, что может случиться. И это напарнику еще повезло, что кажется по касательной задело или вовсе рикошетом прилетело, а ведь может и мозги вышибить.

Адам же зажав рану словно выпал из реальности и неудивительно, ведь до него стало доходить что он только что был на волосок от смерти. Еще чуть-чуть и ага...

Ноги не держали, его затрясло, в животе скрутило, затошнило и таки вырвало.

«Ну хоть не обделался...» – подумал он с чувством которое включило в себя страх, горечь, облегчение и много чего еще.

Крича от избытка чувств что-то оскорбительное, сделал несколько быстрых выстрелов Федор. Адам подозревал, что стрелял он больше в белый свет как в копеечку, чем по конкретной цели. Но винить его в этом сложно. Все как-то не так...

Осмотревшись Адам увидел, что потери понесли не только нападавшие, но и обороняющиеся.

Вон под стенами лежат несколько человек. Из-за темноты не узнать кто именно. Возле раненых копошатся медсестры из военнообязанных женщин.

«Ева...» – кольнуло сердце Адама, наконец вспомнившего что и его девушка так же в числе тех кто обязан сейчас находиться в зоне риска и помогать раненым.

– Адам!

Парень повернул голову на испуганный выкрик и увидел ее, присевшую с ним рядом.

– Ты чего тут делаешь?!!

– Что с тобой! Глаз?! – спросила она не обратив на крики парня.

– А? Нет! Просто по лбу чиркнуло...

Федор сделал еще несколько выстрелов. Схватка перешла в фазу перестрелки. Но надолго ли? Противник должен либо отступить, либо пойти в решительную атаку, третьего как говорится не дано. Адам хотел бы ошибиться, но подозревал, что командир нападавших выберет именно второй вариант. Он понес большие потери и с поражением вернуться не может, только победа его оправдает и ради нее он положит еще столько же, ведь победителей не судят.

– Да где же подмога?! – буквально взвыл Федор. – Мы тут наверное уже час бьемся!

Адам машинально посмотрел на наручные часы, «командирские», подарок отца, со свещущимися стрелками.

С момента подачи тревожного сигнала прошло не больше десяти минут. Но говорить об этом не стал.

И потом, а что если атакована не только Тунак, но и другие деревни, откуда должна прийти помощь? А то и сам город? А даже если и нет, то долго ли и много ли надо сил чтобы организовать засаду и задержать прибытие подмоги? Нападавшие не дураки и наверняка предусмотрели все возможности, так что надеяться не на кого... И либо они сейчас отобьются сами, либо...

– Дай я посмотрю! – тем временем потребовала Ева и достала из сумки бинт.

Адам отлепил от раны руки, кровь снова хлынула мощным потоком и Ева зажмурившись на пару секунд, прогоняя подступившую дурноту, принялась бинтовать голову своему парню.

– У меня патроны кончились! – тем временем крикнул Федор.

Адам передал ему патронташ.

– Картечь...

* * *

Адам в своих подозрениях оказался прав, командовавший нападением на Тунак не собирался отступать, несмотря на серьезные потери. Зазвучали команды и пока одна половина усилила огонь по оборонявшимся, вторая половина добралась до грузовика, который как оказалось выполнял не только роль минного тральщика, но еще и осадной машины в том плане что в кузове имелась специальная выдвижная стальная лестница какими пользовались в свое время пожарные. Одно мгновение и она выдвинувшись вперед упав на стену.

– Гранаты!!!

Адам тут же повалил Еву накрывая ее своим телом, у него в отличии от девушки имелся бронежилет и шансов уцелеть побольше.

Теперь оборонявшимся пришлось на своей шкуре испытать, что такое осколки. Правда к их счастью большая часть гранат перелетала через стену и падала на землю с другой стороны где и взрывалась не нанося практически никакого урона. Мало кто из бросавших смог бросить гранату по такой навесной траектории чтобы подарок смог упасть на «полку». А если и падала, то защитники не будь дураками, успевали большую часть сбросить вниз отпихивая руками или ногами. Но случалось и так что дотянуться просто не успевали и тогда уже со стороны деревни слышались крики боли.

– Они лезут! – истошно закричал Федор паля из ружья. – Получите гады! Сдохните!

Первые атакующие свалились на землю или застряли на лестнице мешая идущим следом, не добравшись до стены. Но напор не ослабевал, к тому же атакующие были облачены в бронжилеты и каски, так что большая часть попаданий из дробовиков и пистолетов не достигала цели. Опять же оборонявшимся всячески мешали ответным огнем, кроме того плохое вооружение не могло обеспечить достаточную плотность огня.

– Ева, беги!!!

– Адам!

– Беги я сказал!

Ева побежала прочь и в этот момент на стену добрался первый из нападавших, автоматной очередью скосив сразу трех защитников сбросив их со стены.

Радар попытался снять врага дробью, но ружье не отозвалось ожидаемым выстрелом.

– Патроны кончились! – пожаловался он.

Атакующий заметил эту заминку и не желая испытывать судьбу стал разворачиваться чтобы положить угрожающих его жизни людей.

Понимая что им крышка, Адам бросился вперед со скоростью удивившей даже его самого. Грохнули выстрелы, но в следующий момент, Адам сбив противника с ног летел вниз со стены.

Удар получился жестким и неудивительно при падении с трехметровой высоты да еще плашмя. Падение смягчило только тело врага отбившего себе все что только можно и переломавшего кучу костей, по крайней мере что касается ребер.

Адам сполз со своего противника пускавшего изо рта кровавые пузыри. Видать переломанные ребра разорвали легкие.

А врагов на стене становилось все больше и больше. Они палили во все стороны срезая замешкавшихся защитников, не успевших отступить внутрь деревни.

Завязалась новая перестрелка и она пока отвлекала атакующих от Адама. Им бы подавить огневые точки противника, и им точно до разглядывания того что у них творится буквально под носом.

Адам едва очухавшись после падения, забрал оружие у раздавленного им врага, а так же выхватил два рожка.

В деревню полетели дымовые шашки быстро заполняя все пространство разноцветным дымом. На первый взгляд удивительно, почему противник решил задействовать дым только сейчас, взяв стену, но на самом деле ничего удивительного нет. Использовать шашки снаружи бесполезно в силу того что ветер снес бы большую часть дыма и не смог бы помешать обороняющимся выцеливать нападающих. Забрасывать внутрь тоже смысла нет, шашки просто перекинули бы обратно. Что теперь играть в перекидывание?

А вот сейчас когда стена взята, нужно все задымить, чтобы не быть легкой добычей. Ветер опять же внутри деревни не гуляет благодаря высоким стенам.

В дыму что либо разглядеть стало решительно невозможно. Где свои, а где чужие... Стрелять по то и дело мелькающим силуэтам было боязно, вдруг своего подстрелишь, а этого Соколову смерть как не хотелось. Но дым закрыл и его самого как от своих так и от врагов.

В суматохе боя Адам и Федор давно потеряли друг друга, впрочем, это уже не имело значения. Адам отступая наконец выцелил врага, а то что это враг говорил автомат в руках, коих в деревне нет, и выстрелил. Опять же о вражеской принадлежности кроме оружия говорила камуфляжная форма с самодельным красно-черным флагом Аталанка на том месте где раньше располагался бело-сине-красный триколор с надписью: «Вооруженные силы России».

Выстрелил короткой очередью в район головы и, противник рухнул взмахнув руками, и тут же скрылся в особенно плотном клубке газа.

Вокруг стреляли, иногда очень часто из автоматов и в такие моменты Адам Соколов падал на землю, чтобы не попасть под очередь.

Газ между тем потихоньку рассеивался уходя вверх, а новые шашки не разбрасывались, старые же уже закончили свое действие. Из-за чего видимость улучшалась с каждой минутой и бой за деревню разгорелся с новой силой. Противник пока стояло задымление успел накопиться внутри ограждения в достаточном количестве, проник боевыми группами на улицы рассредоточившись среди домов, давая защитников, загоняя их все к другому краю деревни.

Что с ними станет, когда противник сомнет последний рубеж обороны и доберется до них, гадать не приходилось – они станут добычей победителей, и мужчины продолжали стоять насмерть, защищая своих женщин: матерей, жен, дочерей... хотя понимали что битва проиграна.

Адам, пользуясь тем что дым еще не полностью выветрился, зашел в тыл одной такой группе и выдал длинную очередь быстро водя стволом из стороны в сторону, скосив боевую тройку врагов и отбежав обратно к стене начал менять магазин на новый.

К счастью для Адама его выходка оказалась никем не замечена. А бой между тем все продолжался. Впрочем с каждой минутой он становился все менее ожесточенным, накал стрельбы постепенно стихал.

– Сдавайтесь! – прозвучал со стены усиленный матюгальником голос, в момент когда образовалось практически полное затишье. – Говорит полковник армии графства Аталанка Парнов! Сдавайтесь! Вам не победить! Вы окружены! Чем дольше вы будете сопротивляться, и чем больше погибнет солдат графства тем вам же будет хуже! Ваше сопротивление бесполезно и бессмысленно! Нам не нужны напрасные потери в том числе и среди вас – будущих верных подданных графства. Вы проиграли. Признайте это! Я предлагаю вам сдачу только раз и обещаю более-менее сносное обращение со стороны моих солдат. Откажитесь, тогда пеняйте на себя, не будет никакого снисхождения! Итак, я даю вам минуту на размышление! Время пошло! Решайте!

Адам напрягся. Мимо него проходила еще одна тройка врагов.

«Как поступить? – подумал он. – Стрелять?! Но как на это отреагирует этот чертов полковник? Вдруг решит что это отказ и тогда достанется всем в том числе и Еве...»

Этого Соколов допустить не мог, а потому опустил ствол автомата и попытался прикинуться ветошью.

– Хорошо! Мы сдаемся! – секунд через двадцать ответил староста Бочаров, осознав, что помощи ждать неоткуда. Она в любом случае не успеет с ними в случае сопротивления покончат гораздо быстрее. – Мы сдаемся! Слышите?!!

– Слышу, слышу! – хохотнул полковник.

«Сволочь, еще и издевается», – подумал Адам бросая в сторону трофейный автомат.

Он конечно понимал что сопротивление лучше оснащенному и количественно превосходящему врагу бесполезно, но то что произойдет в дальнейшем его страшило. Потому какая-то часть сознания предпочла бы сопротивляться до конца, а там уже будь что будет, может его убьют и он не увидит самого страшного...

Давешняя тройка его заметила и взяла на прицел. Соколов поднял руки.

* * *

Повсюду на земле у стены и среди домов валялись тела убитых и раненых. В основном то были защитники деревни, но встречались и нападавшие. Последние большую часть потерь понесли при штурме стен и остались снаружи периметра.

Все тела тут же приказали собрать и сложить в отдельном месте. Оружие также от греха подальше было собрано и складировано обратно в оружейку под замок с охраной из Аталанкайцев. И не просто бойцов, а хорошо экипированных, в отличных бронежилетах и шлемах-сферах с пуленепробиваемым стеклом на личине. Можно сказать гвардия.

– Выходите! Выходите все! – потребовал полковник Парнов. – Я сделаю заявление от имени его светлости графа Аталанкайского.

Жители Тунака, в основном женщины и дети, что прятались в домах, стали несмело выглядывать из своих убежищ и спускаться вниз. Рассредоточившиеся по селению солдаты подгоняли прикладами особенно трусливых и медлительных.

Наконец всех выгнали и построили на площади перед клубом, так что полковник с парой охранников готовых ко всему, поднявшийся на лестницу, видел лица всех жителей. Опершись руками о перила, он начал произносить заготовленную речь, потому как очень уж гладко она лилась, что не свойственно простым солдатам:

– Жители деревни Тунак, теперь вы являетесь подданными графа Аталанкайского, а ваша деревня, как и прочие деревни баронства Бонд, переходит во владение графства, как впрочем и все баронство. Вижу что у вас есть некоторые сомнения и вопросы, так вот отвечаю на невысказанные вами слова, все остальные деревни баронства так же находятся под контролем нашей армии. Как и столица вашего баронства, а сам барон убит. Не вздумайте саботировать и тем более откровенно сопротивляться, кара за это будет немедленной и жестокой. Все законопослушные же подданные будут благодетельствованы его светлостью Александром Красновым. По программе переселения, часть вашего населения будет переправлено на постоянное место жительства на другие деревни графства и соответственно часть населения других деревень будет переселено сюда...

«Принцип: разделяй и властвуй, – понял Адам, в числе прочих слушавших речь полковника. – Перемешанное население захваченных деревень будет относиться друг к другу настороженно и это недоверие всех ко всем можно использовать для успешного управления массами через поощрение доноительства».

– ... Кроме того поскольку вы вновь присоединенная часть графства, то должны доказать свою верность его светлости, а также возместить потери понесенные нашей армией при вашем присоединении. Часть мужского населения деревни Тунак будет рекрутирована для службы в графскую армию во славу и благо графства Аталанка, а значит и ваше благо тоже. Это порядка пятидесяти человек. Количество рекрутов могло быть и меньше, но тут вы сами виноваты, не сопротивлялись бы так отчаянно, и из числа рекрутов вычли бы количество убитых при штурме солдат. Может есть добровольцы?

Полковник внимательно осмотрел собравшихся своим тяжелым взглядом.

Добровольцев не оказалось. Мужчины хмуро исподлобья смотрели на агрессоров, но полковника это похоже несколько не смущало.

– Жаль, – притворным сожалением вздохнул он, – у добровольцев продвижение по службе куда более быстрое.

«Ну естественно, – мысленно усмехнулся Адам. – Подхалимы они в любую дырку без мыла пролезут...»

– Ну ладно, хватит соплей, – хлопнул рукой по перилам полковник. – Всем приготовиться к переписи населения. Семейным группам держаться вместе. Называйте свое имя, возраст и основную специализацию.

* * *

Откуда ни возьмись, появилась пара переписчиков с раскладным столиком и стульями, установленных рядом со входом в клуб. Один из них достал из портфеля толстую амбарную тетрадь и изготовился работать.

– Ну, подходите... – произнес он без всякого выражения, так же безразлично глянув в толпу перед ним.

Поскольку переписываться никто не спешил, то первых переписываемых пришлось подталкивать прикладами автоматов солдатам. И перепись жителей деревни Тунак, сократившихся во время ночного боя, началась.

Процедура затянулась до самого утра, несмотря на минимальный размер заносимой информации о каждом жителе. А сами переписчики сменяли друг друга каждые десять минут, чтобы дать отдохнуть натруженным пальцам.

– Следующий...

– Адам Соколов. Восемнадцать лет. Работник птицефермы...

– Женат?

– Нет.

– Родители?

– Мама...

– Екатерина Соколова, – поспешно представилась мать Адама. – Сорок два года. Швея.

– Ясно, – записал данные переписчик и занес еще какие-то условные символы. – Вы двое и все?

– Да...

– Муж?

– Пропал несколько лет назад...

– Ясно, – снова кивнул переписчик и что-то записал в тетрадь. – Следующие...

Когда к утру все было закончено, систематизировано, полковник Парнов вновь выступил перед жителями деревни все это время стоявшими на площади, дожидаясь своей участи.

– Сейчас будут вывешены списки тех, кому следует собраться в дорогу для переселения в другие поселения. С собой брать минимум вещей способных уместиться в среднем размеров чемодане. Никаких дополнительных узелков и прочего непотребства не потерплю, все будет выброшено. Что касается рекрутов то они будут названы прямо сейчас. Названным рекрутам надлежит выстраиваться на линии передо мной как сивка-бурка вещая каурка в течении десяти секунд после зачтения фамилии. Опоздавшие будут наказаны. Зачитайте лейтенант.

Полковник отдал листок своему адъютанту и тот начал зачитывать фамилии рекрутов.

– Ремезов!

Адам невольно посмотрел на Рустама чинившего всем обувь. Сапожник стал потеряно оглядываться по сторонам явно не зная как поступить. Зарыдала беременная жена несчастного рекрута.

– Ремезов!! – гаркнул лейтенант и к Рустаму метнулись два автоматчика прикладами пробивая себе дорогу в толпе.

Впрочем, жители сами спешили поскорее уйти с их дороги. Они схватили мужчину и швырнули в сторону линии построения. Рустам упал и его стали жесточно пинать ногами, прикрикивая:

– Поднимайся сволочь!

– Пшел на свое место, урод!

Избитого Ремезова наконец приволокли и лейтенант выкрикнул новую фамилию:

– Чаев!

История повторялась раз за разом с криками, слезами, мольбами родных пощадить. Но солдаты Аталанка были неумолимы.

– Соколов!

Адам почувствовал, как сперло дыхание, а сердце несколько раз судорожно трепыхнувшись, упало куда-то в живот и там учащенно забилося. Ноги мгновенно обмякли, сделались непослушными и только поэтому он остался стоять на месте и не шагнул в сторону линии, как то требовалось от всех вызванных.

– Соколов!! – уже привычно во второй раз выкрикнул лейтенант.

– Я...

Адам наконец шагнул вперед как сомнамбула и чуть не упал.

– Не отдам! – закричала мать, вцепившись в сына обеими руками и плотно прижав его к себе. – Не отдам! Пошли прочь подонки!! Не троньте моего сына! Не отдам!!!

Но солдаты несколько раз ударив рыдающую женщину прикладами по спине, рукам, голове, оторвали ее цепкие руки от сына и поволокли рекрута на линию к остальным несчастным. Она не желая принимать очевидное, пыталась преследовать, цеплялась, пыталась как-то помешать, но только получала все новые удары. Это зрелище, встрепенуло Адама вызвав в его душе гнев, взвело точно пружину придав сил и отчаянной решимости, и вырвавшись он раскидал бьющих мать людей, присел с ней рядом на колени схватив за плечи и заглянув в глаза, прошептал:

– Не надо мам... это бесполезно. Все будет нормально... все будет нормально.

Потом отдубасили его самого, только за то, что толкнул нескольких солдат.

В итоге на линии перед полковником предстало пятьдесят рекрутов. Двадцать человек призванных по «плану» и тридцать в качестве компенсации за понесенные при штурме потери.

Убитых и раненых среди нападавших вообще-то было больше, но как потом узнал Соколов, все потери распределили на остальные деревни.

А позади них, слышалось многоголосое рыдание родных. Но дальше этого не шло, солдаты из «гвардейцев» направив стволы автоматов на толпу ясно давали понять, что любой бунт будет жестоко подавлен.

– А ну все заткнулись! – рявкнул полковник Парнов, когда последнего рекрута поставили в строй.

И рыдания действительно притихли.

– Поздравляю вас, – продолжил полковник, вышагивая перед побитыми новобранцами, – теперь вы солдаты славной армии графства Аталанка и с вашей помощью оно скоро станет герцогством! Гордитесь этим званием, тем что его светлость оказал вам честь служить под его знаменами!

«Господи, к чему этот дурной спектакль?!» – недоумевал Адам.

Все что происходило, виделось ему неплохо начавшимся, но скверно закончившимся сном, диким бредом, нужно лишь только проснуться, чтобы все это окончательно кануло в небытие. Но увы, это был не сон и даже не скверно поставленный спектакль странствующей труппы артистов коих можно забросать огрызками и просто освистать.

Адам просто не мог поверить в то, что этот так называемый полковник армии состоящей из сотни человек действительно верит в то, что говорит про графство, его светлость графа, будущее герцогство и прочую муть. Это больше походило на какую-то детскую игру в солдатики из прошлой жизни. Как они тогда назвались? Орленок? Зарница? Вот только в игре этой использовали настоящее оружие и убивали и умирали тоже по-настоящему. А это уже действительно страшно.

– Переодевайтесь! Солдаты графства Аталанка должны выглядеть достойно!

Несколько солдат вынесли из въехавшего в деревню грузовика комплекты камуфляжного обмундирования с такими же флажками на рукавах как и у остальных и раздали новобранцам.

– Ну же! Живо!

Рекруты поспешили выполнить приказ. Тут же перед всеми сбросив старую заношенную одежду и надев «новую» форму. В кавычках, потому что кое-где виднелись не всегда аккуратно заштопанные дырки и подозрительно темные пятна вокруг них, несмотря на то, что часть действительно можно назвать новой, даже ни разу не стиранной и при этом чистой.

– Замечательно! – воскликнул полковник Парнов, прохаживаясь вдоль строя и заботливо поправляя то на одном новобранце, то на другом кепи, складку или воротник. – Теперь вы почти настоящие солдаты, а не дерьмо как раньше! А чтобы стать настоящими солдатами, вам нужно принести священную присягу на верность его светлости! Повторяйте за лейтенантом слова присяги. Прошу лейтенант.

Адъютант полковника сделал шаг вперед и стал громко зачитывать:

– Я, клянусь в верности его светлости графу Аталанкскому Александру Краснову...

Новобранцы под пристальным взглядом полковника хором повторили первые слова присяги, которые в любом другом случае показались бы до предела смешными, полным абсурдом. Но не сейчас, под прицелом автоматов.

– ...Клянусь верно служить графу и графству, защищать его от внешних и внутренних врагов...

– ...Точно и в срок исполнять все приказания данные мне вышестоящими командирами...

– ...А если я нарушу эту священную клятву, то пусть меня и... моих родных постигнет заслуженная суровая кара согласно законам...

Соколов стиснул зубы.

«Вот значит как они решили обеспечить себе нашу верность, – подумал он зло. – Сволочи...»

Но с другой стороны, чему удивляться? Как еще можно обеспечить верность людей коих насильно поставили в строй? А до этого убили или ранили кого-то из родных или друзей. Как их после такого еще заставить воевать на стороне победителя и убивать всех на кого укажут?

– Отлично, можете встать. И еще солдаты, у меня для вас есть хорошая новость! – снова заговорил полковник, широко улыбаясь, но как-то криво, с подвохом. – У вас есть отличная возможность прямо сейчас подтвердить свою верность его светлости! Я не вижу радости на ваших лицах и соответствующих кличей! Надо трижды крикнуть «ура». Ну же!

– Ура... ура... ура... – вяло и вразнобой выкрикнули новобранцы.

– Еще раз, но радостнее и слаженнее! – потребовал полковник Парнов.

– Ура! Ура! Ура!

– Замечательно, – удовлетворился результатом полковник. – Хотя до идеала еще как до луны пешком. Это мы исправим, но чуть позже... А сейчас чуть подробнее о хорошей новости... Графство не может оставлять у себя в тылу неподконтрольные районы, а таковое имеется. За вами как раз находится баронство Ингор. Вот его нам и предстоит присоединить к нашему графству и после этого присоединения графство можно считать уже герцогством. И я окажу вам великую честь, которую вы не просите себе наверное только исключительно из скромности, вы пойдете в числе первых. Именно вы подтверждая свою верность не только словами, но и делами принесете эту победу своему графу!

Полковник в изумлении изогнул правую бровь. Этого хватило, чтобы новобранцы снова троекратно прокричали «ура».

– Замечательно! Я знал, что из вас получатся настоящие и верные своему долгу солдаты! Вперед, навстречу славе!

– Направо! – скомандовал появившийся перед строем коренастый сержант, да так зычно, что все рефлекторно подчинились приказу, да так четко, будто раньше только тем и занимались, хотя раньше, при свергнутой власти, на тупую муштру как раз и не особо налегали. – За мной, бегом марш!

Сержант побежал из деревни, где их уже ждали машины. Путь до баронства Ингор не близкий, если по прямой, то порядка двадцати километров, это если считать от внешней границы баронства Бонд, а если от деревни Тунак до ближайшей деревни Ингора, то и все тридцать наберется.

Расстояние в принципе небольшое и вполне преодолимое за один дневной переход, причем пешком, тем более что полковник Парнов похоже желал штурмовать предназначенную ему в качестве цели деревню этой же ночью, но люди уже будут просто ни на что не годны.

Опять же территория хоть и считается безопасной, но безопасность эта весьма относительная. Повстречать даже во внутренних землях Анклава того же берега – измененного внеземным вирусом бурого медведя, просто нефиг делать. А что уже говорить о внешних территориях?

И толпа в сотню человек ему не страшна. Как выскочит из зарослей или ямы и как начнет крушить, одним ударом лапы отрывая голову, распарывая животы...

И даже если люди не растеряются и окажут сопротивление, то убить такого монстра та еще задачка. Но учитывая что у большинства солдат в походном состоянии оружия при себе нет, мало ли что, вдруг кто головой потечет, то бед такой зверь натворит немало.

За новообращенными солдатами вышла большая часть остальной армии полковника Парнова.

Хотя как увидел Адам, не все вышли из деревни. Часть солдат, видать самые верные, осталась в Тунаке, как оккупационный контингент, по всей видимости, для полного контроля новой «провинции» и поддержания порядка. Что ж, в этом тоже ничего удивительного нет, странно было бы обратное.

«Ну и дела...» – невольно поразился он быстрдействию военной машины Аталанка.

Оно и понятно. Прошло всего семь часов с момента боя с вторгшимся к ним аталанками и вот они уже бегут воевать за своих врагов. Что ж, нужно отдать должное организации всего мероприятия. В этом действительно чувствовалась рука если не гениального, то очень способного человека, главным кредо которого является: куй железо пока горячо... а то все остынет и развалится.

«Такими темпами этот долбанутый граф захватит весь Анклав за пару-тройку недель, – подумал Адам. – Если сопредельные владетели вовремя не одумаются, полностью осознав, что происходит, и не объединятся против общего врага. Вот только успеют ли они договориться? Или пока будут ляды точить, что да как, делить шкуру убитого медведя, этот медведь, всех схватит с потрохами...»

Глава 3

Баронство Ингор было еще меньше и беднее Бонда с соответствующим минимумом ресурсов для обороны как материальным так и людским, но они хотя бы были предупреждены о возможной опасности нападения.

«И это плохо, – подумал Адам. Как и любого другого нормального человека его в преддверии смертельной опасности волновала своя жизнь, жизнь своих родных и друзей. – Кто предупрежден, тот вооружен, а значит крайне опасен как крыса, загнанная в угол. А ингорцы с какой стороны ни посмотри загнаны в угол. Им деваться совершенно некуда, самое отдаленное баронство на юге. Им ждать помощи неоткуда по определению. Остается только надеяться что сдадутся сразу осознавая всю незавидность своего положения. Вопрос только в том, ведут ли аталанкцы вообще переговоры о сдаче? По крайней мере с нами они лишних слов не травили, сразу атаковали. И неудивительно, ведь расходным материалом они успели уже где-то разжиться. Интересно, кто нас атаковал? Такие же рекруты как и мы? Скорее всего... Под удар аталанкцев могли попасть среднемуйцы, светолобовцы, устьудовцы, не говоря уже про юрьевских и туровских».

Хотя как потом подумал Адам, припомнив карту анклава, аталанкцы вряд ли атаковали среднемуйцев, светолобовцев и устьудовцев. Это крепкие орешки, к тому же они находятся близко друг к другу и быстро могли оказать военную помощь соседям. Опять же на помощь могли прийти шарагайцы и кумарейцы, им всего-то и нужно что речку переплыть, а с ними шутки плохи.

Краснов наверняка начал с завоеваний отдаленных владений к коим помощь прибыть просто не могла, то есть юрьевских и туровских. После чего пришел черед Бонда и Ингора.

«А вот потом он ударит по оставшимся на юге внешним владениям анклава, – подумал Соколов. – Сил их удержать уже будет достаточно...»

Грузовики ехали небыстро, километров сорок в час максимум, и неудивительно учитывая качество дорог. Они и до Катастрофы не отличались хорошим состоянием, а уж после двадцати лет, когда ими вообще никто не занимался, но все же эксплуатировали, движение какое-никакое было всегда, превратились в разбитое направление.

Новобранцы все время пути молчали с угрюмыми лицами глядя себе под ноги. Ожесточенный бой, потом ночное бдение на площади и неясное будущее впереди, ведь вероятность того что их убьют при штурме такой же деревни, какую они еще несколько часов назад защищали, весьма велика, всех вымотало до предела.

Адам выглядел не лучше. К тому же его снедало беспокойство за Еву. В деревне ведь остались солдаты и как бы до беды не дошло. Они ведь чувствуют себя хозяевами и могут заняться насилием.

Видимо его, да и не только его вид был весьма красноречив, опять же с таким настроением воины много не навоюют, потому как сержант сидящий вместе со всеми в кузове, словно читая мысли, вдруг сказал:

– Не дергайтесь и не кукситесь так, все с вашими родными будет нормально, мы не разбойники, а армия и порядки у нас соответствующие. И сами имейте это на будущее имейте ввиду...

Сержанту никто не ответил. Всем оставалось только надеяться на дисциплинированность графских солдат и страх возможной кары.

Но слова сержанта немного взбудрили Адама, в конце концов, всем хочется верить, что все будет хорошо. Он даже с интересом стал смотреть по сторонам, ведь раньше Соколов никогда так далеко от деревни не уходил и не уезжал. Слишком опасно.

Почти сразу же увидел измененные растения. Вот папоротник. Адам знал как он должен выглядеть на самом деле по рисункам. Этот же отсвечивал краснотой, был больше и колючим.

А вот несколько елочек высотой по два метра. Иголки на них почти черные и острые как шипы. И скоро весь лес будет состоять из таких вот измененных растений. Они как показывал опыт более жизнестойки и быстро подминали под себя ареалы обитания, выдавливая изначальные формы жизни. Деревья еще сопротивлялись, а вот найти обычную траву уже практически не представлялось возможным.

Чтобы получить чистые культуры семена приходилось получать в стерильных условиях, чтобы не дай бог не попала пыльца измененных растений. Так от выросших в поле культур семена получать не рекомендовалось. Ведь в какой-то момент ДНК может измениться настолько, что та же пшеница станет просто ядовитой.

Производством генетически чистых семян занимались многие, но большинство на свой страх и риск. Гарантированно чистые семена делали в Академгороде, бывшем Омский. В этом городе скопилась почти вся научная элита анклава...

Колонна техники вдруг остановилась, преодолев примерно половину пути до цели. Это понятно, ведь если продолжить путь, то до места можно добраться максимум за два часа и штурмовать тогда придется при свете дня.

– Стройся! В пять шеренг становись!

Новобранцы начали выгружаться из кузовов грузовиков.

– Живее убудки! Что вы ползаете как беременные тюлени?!

Наконец новобранцы построились, Федор скорее по привычке встал рядом с Адамом, и слово взял лейтенант:

– Отлично! Вы сами так построились, а теперь запомните своих товарищей по шеренге ибо теперь вы отделение с первое по пятое соответственно. Запомните несколько простых законов, что приняты в армии графства Аталанка. Самое подходящее определение всем законам, можно выразить через один известный всем девиз мушкетеров: один за всех и все за одного. Запомните это и руководствуйтесь именно им перед тем как что-то сделать или... не сделать. Итак, за отступление с поля боя без приказа одного, смерть для всего отделения. Лучше сами прикончите струсившего товарища... За дезертирство в мирный период – смерть дезертиру и всем кто мог его остановить, но не остановил. Остальным тридцать плетей. За нарушение или неисполнение приказов – смерть. Если приказ касается одного человека, то смерть нарушившему приказ и по тридцать плетей остальным. Невыполнение боевой задачи десятком – смерть одного по жребью и по тридцать плетей остальным... Ну вы поняли основной принцип военных законов армии Аталанка.

Рекруты стояли хмурые исподлобья глядя на лейтенанта и сержанта. Чего уж тут непонятного? Еще Чингисхан что-то подобное практиковал, только у него еще жестче было, за бегство десятка – казнили сотню. Но тут законы смягчены не из гуманизма, а просто из-за скудости людского ресурса, так ведь людей не напасешься всех в расход пускать за малейшую провинность.

– Ладно, с законами разобрались, – продолжил лейтенант. – Сейчас вы получите оружие. Многого от вас не требуется, никакой сборки-разборки на время, даже знание устройства не требуется, просто вы должны снарядить рожки пулями, вставить их в автомат и сделать несколько выстрелов, при этом желательно попасть в выбранную мишень. Предполагается, что с оружием вы обращаться умеете и результат штурма вашей деревни это вроде как подтверждает. Но там вы воевали всяким барахлом, что и предопределило исход сражения и не в вашу пользу, сейчас же получите настоящее оружие и во время стрельбы просто должны понять, что от него ждать. Прошу...

Пара бойцов откинула тент от одного из грузовиков в котором как стало ясно чуть позже везли оружие и боеприпасы.

– Получить оружие! – гаркнул уже сержант. – Первая шеренга пошла...

Подневольные новобранцы получали автоматы Калашникова, дополнительные рожки и пригоршню патронов, на пятнадцать-двадцать штук. Оружие уже было в деле и совсем недавно, о чем говорил хотя бы исходящий от них кислый запах сожженного пороха и грязь. Но чистить оружие по крайней мере сейчас никто не заставлял. И правильно, чего чистить перед стрельбами, лучше уж потом.

Новобранцы принялись за снаряжение рожков. Адам же заметил, что пулемет на крыше одного из грузовиков смотрит прямо на них. Солдат из «гвардейцев» за ним вроде как расслаблен, попыхивает папироской самосада и вроде даже как смотрит совсем в другую сторону. Но обмануть это могло разве что совсем уж дебила. Ясно ведь, чуть что не так и длинная очередь срежет их всех как коса высокую сочную траву.

– Первая шеренга на исходный рубеж становись!

Первый десяток выстроился по невидимой линии указанной сержантом.

– Деревья через поляну, выбирайте и стреляйте. Огонь!

Застучали выстрелы. Двадцать секунд грохота и все стихло. Никто даже не думал проверять точность стрельбы. Или сержант был таким профи, что все нужное ему заметил с линии огня, по отлетающей щепе и коре.

– Вторая шеренга становись! Огонь!

Как и подозревал Адам Соколов с самого начала, оружие их заставили чистить после стрельбы, чтобы уж сразу и новое и старое соскрести.

В этот момент к поляне подъехала еще одна такая же колонна машин состоящая из пяти различных грузовиков и двух «уазиков». И все что происходило здесь полчаса назад, повторилась от и до. Выгрузили новобранцев, и провели стрельбы.

После чистки оружия отделениям выдали котелки и перловой крупы.

– Готовьте себе обед и можете отдыхать, – сказал лейтенант.

Пока варилась каша, подъехало еще две колонны и вновь стрельба.

А когда рекруты успели пообедать, а другие товарищи по несчастью только начали варить или еще чистили оружие, подъехала пятая и как оказалась, последняя колонна. Она оказалась самой внушительной. Не пять грузовиков а десять, но главное в ее составе имелось аж два БТРа и одна БМП. А еще к одному из грузовиков сзади крепилась самая настоящая пушка.

– Этих похоже на столицы отправят, – сказал Федор.

Адам только кивнул.

На поляне от такого количества народа, а его набралась под тысячу, стало практически не протолкнуться. Впрочем, никто толкаться и не собирался. Отгремели последние выстрелы очередных подневольных новобранцев и объявили тихий час. Часовых разве что выставили. Сержант не мудрствуя лукаво подрядил на это дело первое отделение и обозначил их зону ответственности. Тоже самое произошло в остальных отрядах и в итоге поляна оказалась в охраняемом периметре.

Адам думал, что уснуть в таких условиях и после таких событий невозможно, но оказался неправ. Нервное напряжение последних часов, бессонница, эмоциональная и физическая усталость сделали свое дело, погрузило его в апатичное состояние, и он сам не заметил как провалился в царство Морфея.

* * *

– Подъем...

– А, что?! – спросонья пробормотал Адам.

– Наш черед стоять в охране, – сказал Федор, растолкавший Соколова.

– Ясно.

Адам посмотрел на часы. Всего два часа сна. Немного. Хотелось спать дальше, в голове гудело, но оставалось надеяться, что удастся еще прикорнуть, после своей смены.

Сержант расставил бойцов второго отделения.

– Смотрите в оба глаза и не дай бог кто заснет – тридцатью плетями не отделаетесь. Крапивой оприходую!

Бойцы невольно вздрогнули. Сержант конечно же имел в виду не простую крапиву, а измененную. Это серо-буро-малиновое жалищее растение лишь отдаленно напоминало свой прототип. Была выше и жалила намного сильнее. Если от обычной крапивы ожог болел порядка получаса, то от измененной хорошо если через десять суток пройдет, а уж про взбугрившиеся шрамы и говорить нечего, остаются на всю жизнь.

Адам смотрел в темный лес и ноги сами тянули бежать. Казалось, что там его ждет спасение от этого кошмара.

Федор вопросительно пострел на Соколова, слегка мотнув головой в сторону леса.

«И причем не только у меня ноги наострились», – подумал Адам и отрицательно мотнул головой.

Федор только вздохнул, уронив голову на грудь, как и Адам прекрасно понимая, что шансов сбежать у них немного, схватят и расстреляют, плюс родные пострадают. Кроме того шансов на выживание на войне больше чем в лесу. Таким ничего не умеющим и незнающим в лесу делать нечего.

По стволу дерева, под которым стоял Соколов с Липецким пополз черный жуткого вида жук с просто устрашающего размера жвал, коими он шевелил. Некоторые виды и до Катастрофы были теми еще монстрами, а уж теперь... Адам не сдержался и раздавил насекомое прикладом.

Десять минут спустя он об этом пожалел. С поста пришлось буквально бежать ибо дерево окружила орда муравьев, тоже весьма изменившихся, они словно превратились в «рыцарей», словно обычного муравья одели в доспехи. Эти муравьи начали деловито растаскивать останки жука, утаскивая их в свое логово. Стоять у них на пути не рекомендовалось. И обычные-то муравьи кусались будь здоров, а уж эти...

– Стой гад! – раздался крик откуда-то с востока.

Прозвучало несколько выстрелов.

– Первые номера охранения за мой! – крикнул лейтенант, из другого отряда.

Адам вместе с другими бросился в погоню. У кого-то похоже все же сдали нервы и он решился на побег.

К погоне так же присоединились сержанты, взяв своих бойцов под команду. Дежурный лейтенант отдавал приказы и пять отрядов разошлись веером отрезая беглецу все пути маневра. Теперь он мог бежать только вперед. Любой зигзаг с его стороны только ускорит поимку.

Беглец в отчаянии сделал длинную неприцельную очередь в сторону погони, пули пронеслись где-то высоко над головами. Но это действие стало его смертельной ошибкой. Парень споткнулся о корень дерева или заплелся в траве и как результат оказался на земле. Еще несколько секунд и возле него оказался лейтенант с сержантами. Он отбил автомат в сторону, а потом начал месить беглеца тяжелыми берцами.

Но через минуту запыхался, когда дезертир уже перестал защищаться.

– Возвращаемся...

Дезертира подхватил под руки и понесли обратно в лагерь. Полковник Парнов уже ждал. Через пять минут после возвращения, всех солдат построили и начался трибунал. Он перечислил статьи обвинения такие как нарушение присяги, побег с поста, стрельба по своим товарищам и вынес ожидаемый приговор:

– Обвиняемый приговаривается к расстрелу. Остальные солдаты отделения приговариваются к битью плетями по тридцать ударов. Приговор привести к исполнению немедленно!

И началось. Сначала сержанты отходили плетью сослуживцев дезертира, и как апофеоз расстрел виновника всей этой бучи. В расстрельную команду назначили его же товарищей, только что получивших плети.

– Только в один автомат будет заряжен боевой патрон, в остальные – холостые. И если после команды «пли» приговоренный будет жив, вы получите еще по десять плетей, но уже крапивой, – предупредил полковник. – Мне говорить к чему это приведет?

Судя по лицам людей из расстрельной команды, они представляли что с ними станет. Скорее всего что помрут.

Бойцам вручили уже заряженное оружие и те встали на исходную позицию перед привязанным к дереву дезертиром.

– Нет! Не надо! – закричал тот пытаясь выскользнуть из пут.

– Приготовится! Целься! Пли!

Раздался нестройный залп и, приговоренный резко дернувшись, обмяк.

«Ну вот, еще и кровью своего повязали, – подумал Адам. – Так помаленьку, потихоньку и завяжут на себя, сделав для остальных изгоем, по крайней мере тех кто выживет. А этот десяток... уже девятка выживет. Вряд ли их пошлют в бой таких покалеченных, тридцать ударов это не шутка...»

– Вольно! Разойтись!

* * *

Отдых продолжался до девяти вечера, пока не начало темнеть, после чего скомандовали погрузку и колонная двинулась по дороге на юго-восток в какой-то момент разделившись на пять отрядов по числу населенных пунктов в баронстве Ингер. Одни отряды ушли в отрыв, другие наоборот плелись как черепахи, все для того чтобы прибыть к поселениям примерно в одно и то же время.

Не доезжая до цели километра три, колонна остановилась.

– Как уже было сказано господином полковником, вам оказано доверие. Вы должны на деле продемонстрировать свою верность графу Краснову и графству Аталанка... Поскольку противник о нашем приближении предупрежден, а значит мог серьезно подготовиться, в том числе организовать засады на пути следования отряда, то дальше будем двигаться пешком, – сказал лейтенант построившимся рекрутам. – Так в случае боестолкновения на дороге понесем меньше потерь. Первое отделение – головной дозор. Двигаетесь в двухстах метрах впереди основного отряда. Второе и третье отделения – фланговые, соответственно левый и правый, в пятидесяти метрах от дороги. Командирами на время операции назначаетесь ты, ты, ты, ты и ты, – указал лейтенант на первых в шеренгах.

«Интересно, – вновь подумал Адам, – а кем были те солдаты, которые штурмовали наш опорный пункт и почти все полегли? Не такие же новобранцы с Юрьевска и Тура как и мы?!»

– Извините господин лейтенант, разрешите обратиться? – дрожащим голосом произнес Адам Соколов, припомнив словесные обороты множество раз слышанных из кинофильмов и вычитанных в книгах.

– Обращайтесь рядовой, – с усмешкой кивнул лейтенант.

– Господин лейтенант, если графству нужны солдаты и не нужны лишние потери как непосредственно среди ее солдат так и будущих подданных, то может было бы правильнее провести переговоры о добровольном вступлении баронства Ингер в состав графства?

– Я понимаю ваше состояние рядовой, вы опасаетесь погибнуть, но запомните на будущее, в дальнейшем речи подобного толка будут расцениваться как реступные и будут соответ-

ственно сурово караться. Это раз. Два – командующим лучше знать как вести расширение границ графства. Три – добровольно с властью никто расставаться не захочет, как бы плачевна ни была ситуация. Так что любые переговоры это лишь пустая трата времени, как и мои вам объяснения очевидных причин. А теперь получите боеприпас.

Бойцам выдали патроны и в дополнение к ним добавили по гранате.

– Надеюсь все знают как ими пользоваться? Вынимаешь кольцо и бросаешь. Это на тот случай если кому-то из вас посчастливится добраться до укрепления врага. А теперь вперед, навстречу славе!

– И смерти... – добавил кто-то глухо.

Первое отделение потопало вперед, а фланговые углубились в лес.

Идти по темному лесу то еще удовольствие. И еще неизвестно кому повезло больше, головному отделению, что топает по чистой дороге и может попасть в засаду, и практически мгновенно перебито из засады или подорваться на фугасе, или же переть через заросли измененных кустарников и травы, рискуя словить укус измененного насекомого. Да и невидно ничего оттого и двигались с таким шумом словно через густые джунгли в панике пробивалось стадо слонов.

– Черт, – ругнулся кто-то, упав на землю, зацепившись за что-то ногой.

– Потише мужики, – попросил Чаев, ставший с легкой руки (или тяжелой, тут как посмотреть) лейтенанта, командиром отделения. – А то подставимся...

– А зачем нам за этих уродов воевать? – поинтересовался конкретно ни к кому не обращаясь Борис Кравец. – Перейдем на сторону ингерцев...

– А смысл? – ответил ему Чаев. – Даже если мы все перейдем и отобьемся от аталанкцев, то отобьем только одну деревню. Надолго нас хватит учитывая что только здесь есть еще четыре отряда? Нас сомнут. Шансы были бы, если бы мы все отряды подговорили на саботаж, а потом бы быстро отбили свои селения. Но этого нет, а значит и говорить не о чем... попала нога в колесо, пищи, но беги.

С такими доводами спорить было сложно, но и скоординировать свои действия с невольными рекрутами из своего баронства тоже было невозможно, просто потому что все попытки общения между отрядами быстро пресекались сержантами, опасавшихся как раз такого вот сговора.

Впереди слышались звуки запыленной стрельбы и даже несколько взрывов.

– Попались... – выдохнул кто-то.

– Вперед, – скомандовал Чаев. – Надо своим подсобить!

С этим тоже все согласились. Свои есть свои, а чужие есть чужие, даже если были союзниками.

Отделение рвануло в сторону перестрелки.

Когда до засевших в засаде и бивших первое отделение ингерцев было уже метров сорок, на дороге рванул мощный взрыв. В яркой вспышке Адам видел как с в облаке пыли в воздухе крутанулось несколько тел. Понятно что на помощь поспешили не только фланговые отделения, но и шедшие следом.

«Вопрос в том сколько погибло, одно отделение или оба», – подумал Соколов.

Адам еще удивился чего это ингерцы взялись за головной дозор, когда лучше было бы напасть на основной отряд. Хотя с другой стороны они могли быть обнаружены раньше и тогда вообще ничего не сумели бы добиться. А так судя по интенсивности стрельбы головной дозор практически перебит, подошедшие по дороге на помощь тоже уничтожили. Минимум двадцать человек уже выведены из строя.

«Ингерцы не дураки, а значит и для нас сюрприз могли подготовить», – подумал Адам и когда он хотел уже предупредить об этом своих, грохнул звонкий взрыв.

Растяжка.

Закричал раненый.

Буквально в следующую секунду прозвучал схожий хлопок через дорогу, а следом за ним второй. Третье отделение тоже зацепило растяжки.

Остальные тут же залегли. Двигаться дальше означало зацепить еще неизвестное количество ловушек, ингерцы расстарались на славу. Подрываться понятное дело никто не хотел, но и оставаться на месте нельзя иначе это могут расценить как трусость и соответствующим образом наказать.

– Вперед мужики! – крикнул Чаев которого донимали схожие мысли, и поднявшись, с криком бросился вперед на ходу открыв стрельбу.

Остальные, кроме раненого, бросились за ним. К счастью для бойцов второго отделения, больше никто растяжку не зацепил.

Стрельба впереди стихла, первое отделение похоже было окончательно добито, опять же угроза движется по лесу, а воевать в лесу ингерцы похоже не пожелали и быстро скрылись. Преследовать их не стали. Просто бесполезно. Возможные ловушки опять же. Так постреляли немного по мелькавшим теням и все.

Сзади шелкнул одиночный выстрел и крики раненого прекратились.

«Добили сволочи...» – понял Адам, поджав губы сдерживая злость.

То что у раненого шансов на выживание без квалифицированной медицинской помощи, которую ему оказать было просто некому, не имелось, все-таки почти оторвана ступня, это не важно. Важен сам факт добития.

– Второе и третье отделение, выйти из леса! – прокричали в мегафон.

* * *

Всех убитых сложили в один ряд. Двадцать три человека. Полностью первое и четвертое отделение. Плюс подорвавшиеся на растяжках у фланговых – второго и третьего.

Адам ожидал что лейтенант или даже сам полковник зарядит какую-то речь, типа мы должны отомстить за своих товарищей и тому подобную лабуду, но нет, они поступили умнее, просто дали уроженцам баронства Бонд посмотреть на своих товарищей в тишине. Это принесло гораздо больший результат. Люди прямо на глазах наливались злобой и их теперь даже не надо было как-то дополнительно мотивировать на войну.

Адам только постарался подавить в себе этот росточек ненависти к ингерцам, потому как виноваты не они, а аталанкцы. Вот их он ненавидел и поклялся себе при первой же возможности отомстить, вернуть все долги сторицей.

Движение к деревни продолжилось, но теперь гораздо медленнее. По дороге ехал знакомый грузовик с валом для разминирования.

Фугас на котором подорвалось четвертое отделение он бы вряд ли бы деактивировал, так как тот был управляемым, нашли проводки. А если бы и активировал, тот от машины просто ничего бы не осталось.

Чтобы ингерцы не подорвали еще один такой заряд, пришлось идти вдоль дороги фланговыми охранениями. Но ничего не обнаружили. Ингерцы понимали что второй раз одна и та же ловушка не сыграет.

Вот и деревня.

Мудрить не стали и как в случае с захватом родной деревни Адама Тунака, вперед пустили машину разминирования. Только на этот раз она даже до минного поля доехать не успела. На несколько секунд в бойнице появился защитник с РПГ на плече, выстрел и оставив реактивная грана врезалась прямо в кабину, что лопнула во вспышке огня как хлопущка.

Подготовка к отражению агрессии у ингерцев оказалась на высоте. В Тунаке например не было даже жалкой «мухи».

– Ах ты ж... – с досады сплюнул под ноги полковник Парнов.

Застучал пулемет, забухали выстрелы в ответ.

Полковник отдал приказы лейтенанту и сержантам.

– Вперед! – продублировал приказ сержант.

– Но там же мины! – вскрикнул кто-то.

– Дотолкаем машину руками! Только кабину разворотило, все остальное цело!

Что ж, добраться до стен таким макаром шансы еще были и бойцы двинулись вперед под прикрытием щитов. Федор толкал щит на колесах, а Адам следовал за ним.

В щит то и дело стучали пули высекая искры и заставляя вздрагивать бойцов. Что уж говорить когда щиты все-таки пробивало!

Одна пуля свалила Соколова.

– Адам!

– Все нормально, – хрипя ответил Соколов, трогая бронежилет в месте попадания. – Не пробило...

Он кое-как встал и они продолжили движение.

«А дальше и вовсе кошмар начнется», – подумал Адам, вспоминая как они оборонялись с помощью «Коктейлей Молотова».

Оставалось только молиться, что их сия чаша стать живыми факелами минует. Лучше уж сразу пулю получить, чем испытать такие мучения.

Наконец первые линии добрались до грузовика а-ля минного тральщика и поднатужившись бойцы сдвинул его с места.

– И р-раз! И два! Покатили!

Грузовик был тяжелый, часто вставал, но бойцы продолжали его толкать вперед, лучше уж пупок надорвать, чем наступить на мину.

Забухали взрывы. Огонь обороняющихся усилился, появились раненые, но тут снова заговорил пулемет и плотность огня несколько снизился, что дало возможность доталкать-таки грузовик до стены.

Метеорами полетели бутылки с горючей смесью.

Адам успел отскочить, а вот Федор уже нет.

– А-а!!! – заорал он объятый пламенем, начав носиться туда-сюда.

Соколов не дал Липецкому сойти на минное поле, сбил его с ног, добрался до щита с прикрепленным к нему огнетушителем и полил катающегося по земле товарища пеной.

Машина горела, но это не помешало выдвинуть лестницу.

– Не стоять! Вперед! – подгонял засевших за щитами бойцов, голос лейтенанта. – Кто сейчас не встанет и немедленно не пойдет в атаку будет расстрелян как саботажник и предатель! Также пострадает его семья! Первое отделение на штурм! Второму отделению отработать гранатами! Третьему отделению прикрыть автоматическим огнем!!!

Оказавшись в ситуации, что называется между молотом и наковальней, когда тут и там смерть, но если пойти вперед, то им еще может повезти и они выживут, а если останутся их ждет верная кончина, подневольные солдаты с криками безумия ринулись в атаку по лестнице.

Адам достав гранату дернул чеку и аккуратно забросил грану с таким расчетом, чтобы она только-только перелетела через стену и осталась лежать на «полке».

Ему никого не хотелось убивать, но когда вопрос стоит так, что или ты или тебя, то выбираешь себя.

Первое отделение неся потери убитыми и ранеными продвигалось вперед.

– Второе отделение на штурм! Третьему отделению отработать гранатами! Четвертому отделению прикрыть огнем!

Четвертое отделение это уже те кто штурмовал в первых рядах Тунак, машинально отметил Адам, делая первый шаг по лестнице.

Кто-то показался в бойнице и Соколов зарядил по ней очередь.

– Вперед! Вперед!! Вперед!!!

Все стреляли, рвались гранаты, полетели дымовые шашки... Вокруг воцарился настоящий ад.

Что происходило дальше Адам как ни старался вспомнить не мог. Он в числе прочих ворвался на стену и снедаемый страхом, яростью, стрелял и стрелял во всех кого видел, лишь каким-то краем сознания отделяя своих от чужих и так пока не кончились патроны, а потом буквально вырубился практически не реагируя на внешние раздражители.

Штурм тем временем продолжили уже проверенные отделения ранее захваченный владений и завершил его отряд «гвардейцев», уроженцев графства Аталанка.

Соколов пришел в себя, когда уже началась процедура по переписи населения.

Потом пришлось наблюдать до боли знакомую картину рекрутирования новых солдат для графства, а точнее уже герцогства Аталанка с последующим принятием присяги.

Правда как выяснилось чуть позже ингерцам немного повезло. После того как солдаты этого захваченного баронства встали в строй их не погнали тут же на убой, как тех же уроженцев баронства Бонд.

Следующие противники образованного герцогства были слишком сильны чтобы брать их сходу. Следовало как следует подготовиться к дальнейшим завоеваниям, ну и переварить полученное население не мешало.

Что же касается солдат из деревни Тунак, то от полусотни рекрутированных человек в живых осталось всего два десятка. Из них половина ранены. Правда последних добивать не спешили. Ранения были получены в конечности, как правило навывлет и такие раны довольно быстро заживают. Даже обгоревшего Федора не тронули, он пострадал не сильно, Адам вовремя его потушил.

Сам Адам к своему удивлению не получил ни царапины.

Глава 4

После захвата баронства Ингер, также оставив в его селениях контингенты из «гвардейцев» для поддержания порядка, солдат набранных из баронства Бонд так или иначе но уцелевших, вернули в родные деревни. Точнее сделали остановку в родных деревнях перед дальнейшей отправкой в лагерь подготовки, где за новобранцев должны уже были взяться всерьез, подготовить для настоящих боев в городских условиях.

Родные не увидев с вернувшимися своих мужей, сыновей, братьев, кто хмуро, а кто рыдая поплелись в свои дома.

– Вы хорошо показали себя, солдаты, потому вам дается возможность, как следует попрощаться с родными, потому как вас ждут дальнейшие завоевания во благо герцогства. Даю вам для этого час. Советую за это время также наесться от пуза ибо это будет последняя домашняя жарка, – напутствовал полковник Парнов. – Хотя семейные если есть, думаю предпочтут потратить это время несколько иным образом.

Полковник засмеялся своей немудреной шутке и его с готовностью поддержали «гвардейцы».

Адам выискивал в толпе встречающих мать, но нигде не мог ее найти. Это было странно и Соколов начал волноваться.

Не было и Евы. Но ее могла не пустить ее мать, все-таки в деревне полно чужаков.

Наконец когда прозвучала долгожданная команда «Разойтись», Соколов сразу же рванул к своему дому. Подбегая к жилищу, он уже почувствовал неладное, словно в самой ауре что-то было не так, тревожное, давящее.

– Мама! – чуть не снеся дверь, с криком ворвался он в дом.

Екатерина Соколова лежала на кровати не шевелясь, с закрытыми глазами будто спала. Но что-то в ее лице сказало Адаму что она не спит...

– Что с тобой, мама?!

Адам осторожно коснулся плеча матери. Она не отзывалась, не проснулась... В какой-то момент он уже с силой тряс ее за плечо, не желая признавать очевидного.

В конце концов, кто-то пришел на крик. Это оказался деревенский доктор, дядя Матвей.

– Оставь ее Адам... – сказал он печально, положив руку ему на плечо.

– Что, как, почему?! – не оборачиваясь, спросил он, все же оставив бездыханное тело в покое.

Сердце стучало как бешеное, сбивая дыхание, Адам даже рванул ворот.

– Сердечный приступ... Ты же знаешь, у нее было слабое сердце...

Адам почувствовал, как слезы обильно потекли по щекам. Он остался совсем один.

– Чертовы ублюдки! – с ненавистью прорычал Адам.

Естественно, что в смерти матери он обвинял аталанкцев. Ведь если бы не они, если бы не забрали его, то мать не переволновалась бы так сильно, что у нее аж не выдержало сердце. А значит они забрали последнего родного человека.

«Зачем они вообще пришли сюда? – думал он. – Зачем убили ее и других, заставляют воевать за себя? Какой в этом смысл?..»

– Мы позаботимся о ней...

Соколов только сокрушенно кивнул головой. Слезы перестали литься, глаза высохли. Уловив изменение в настроении и даже во внешности Адама, его лицо словно окаменело, черты лица заострились, как бывает с людьми принявших какое-то непростое решение с серьезными далеко идущими последствиями, доктор поспешно произнес:

– Только не делай глупостей мой мальчик... Этим ее уже не вернешь, а вот себе и остальным хуже сделать можешь. Сегодня уже было достаточно смертей. Не увеличивай и без того огромную скорбь лишними жертвами...

Адам буквально выстрелил в доктора взглядом, словно собираясь убить им его, но тот не отвел глаз. Лишь добавил:

– Если хочешь, если сможешь – отомсти. Но помни, мстят сразу – дураки. Мсть – это блюдо которое едят холодным. На мой взгляд дурацкая фраза, но доля истины в ней есть. Ты должен успокоиться, а не пороть горячку. Так ты не до цели не доберешься, и себя погубишь. Да и объект мести тоже нужно выбирать с умом, а не убивать первого же попавшегося вага, пусть даже высокопоставленного. Это как сорняк... ты можешь срубить стебель, но это ничего не изменит, он снова прорастет, еще сильнее, гуще. Выкорчевывать нужно сам корень, в нем все зло. Ты меня понимаешь?

– Да, я понял, – кивнул Адам и с ненавистью прошептал: – Я доберусь до этого проклятого герцога Краснова, чего бы мне этого ни стоило и прибью его...

– Вот и молодец. Пойдем...

* * *

Адам Соколов накрыл тело матери одеялом и вышел из палатки вслед за доктором. Тот вел его куда-то за собой, наверное к себе домой, чтобы Адаму было где пересидеть и он не натворил глупостей сорвавшись при одном только виде врага. Но тут, несмотря на то что он был всецело поглощен планами мести, Адам увидел мать Евы. Чувствовалась, что она сильно сдала словно постарела на десяток лет, сильно сгорбилась, волосы обычно хорошо уложенные, всклокочены, а глаза красные от слез.

«Почему? – подумал он, с трудом переключившись с планов мести на возможную причину, по которой эта строгая женщина превратилась в такую развалину. – Ведь у нее сегодня никто не погиб, никого не забрали. Если только...»

Соколов встал как вкопанный.

– Только не это...

Доктор Матвей остановился и тяжело вздохнул, проследив за взглядом Адама. Не хотел он этой встречи, но судьбу не проведешь.

– Что с ней?! Что с Мальвиной?! – встряхнул Адам доктора, но так и не дождавшись ответа, оставил его в покое и заспешил к заплаканной женщине.

Земля уходила из-под ног. Кружилась голова. В глазах потемнело, в ушах гулко стучало. Его шатало из стороны в сторону точно пьяного. Он уже догадывался, что могло произойти, но не хотел в это верить.

«Как же так? Как же так?.. Ведь сержант говорил, что у них с этим строго, – вертелась в голове мысль. – Неужели наврал?»

Столько бед в один день пережить трудно. Начиная от крушения привычного мира, в общем-то уютной жизни с привычным укладом пусть и наполненного серыми днями, смерть матери и вот какая-то неприятность с любимой.

– Галина Семеновна... Галина Семеновна! – затряс женщину за плечи Адам.

Но та никак не реагировала, словно тоже умерла, как и его мать.

– Где Ева?! Что с ней?!

Женщина только разревелась, закрыв лицо руками и осев на землю.

К женщине поспешил доктор.

Соколов же бросился в их дом. Ворвался как ураган, да так и застыл в проходе в комнату.

– Мальвина!

Ему стало совсем плохо, потому что она лежала почти также как его мать, без движения, только глаза открыты и смотрят в пустоту не мигая.

В комнате царил сумрак, так как ставнями специально закрыли все окошки и не зажигали фонаря, потому он не сразу разглядел, что девушка сильно избита, но приглядевшись, увидел большие кровоподтеки на лице, разбитые до крови губы, верхняя даже порвана и зашита доктором.

– Мальвина...

Соколов рухнул на колени возле ее кровати и взял ее ладонь в свои руки.

Девушка пугливо вздрогнула.

– Это я, Ева... не бойся... это я...

– Адам?! Это ты? Ты жив?..

– Жив...

– Это хорошо... но прошу тебя, уходи...

– Что случилось?! – спросил он и сам понял, как глупо, идиотски прозвучал вопрос, потому как уже точно знал ответ, и он его окончательно подкосил.

Она закрыла лицо ладонями и попыталась перевернуться на другой бок, но не смогла из-за боли в животе, только сдавленно охнула, да и Адам ее остановил, взяв за плечо.

– Кто это сделал?

– Это неважно... не скажу... Я не хочу, чтобы ты наделал глупостей и сам при этом пострадал.

– Мне уже плевать на собственные страдания... Я уже достаточно настрадался, так что лишняя порция для меня, что мертвому контрольный выстрел.

– Они убьют тебя...

– Плевать. Для чего мне жить? Но я по крайней мере захвачу с собой и их поганые жизни, тех кто с тобой это сотворил!

– Не скажу. Ты должен и будешь жить. Знай только что я очень рада тому, что до них у меня был ты, что не они были первыми...

На этот раз слез не было. Обида, ярость, нестерпимая жажда мести высушивали их. Адам пулей выскочил из дома и стал озираться по сторонам точно бешеный в поиске жертвы. Наконец он нашел того кого искал – одного из своих друзей, коему повезло не оказаться в армии их завоевателей.

– Макс...

– Адам... – вздрогнул Максим, развернувшись. – Я рад, что ты уцелел.

– А я – нет, – прорычал он. – Кто с ней это сделал? Кто?! Ну!

– Я не знаю... не видел... – сразу же ступешевался Максим, мгновенно поняв о чем и о ком идет речь, опасливо оборачиваясь по сторонам.

– Видел, я знаю, – настаивал Адам. – Ты всегда все видишь и все знаешь. Просто покажи. Не рукой. Взглядом. Пойдем, только выглянем из-за угла и ты покажешь мне этих подонков, а потом можешь проваливать к черту!

– Не делай этого Адам...

– Хватит! – яростно воскликнул Соколов, схватив Максима за грудки и хорошенько встряхнув, так что у приятеля лязгнули зубы. – Мне сегодня только и говорят, чтобы я ничего не делал! Из-за того, что никто ничего не делает, эти ублюдки творят что хотят! Я не прошу от тебя помощи. Просто. Покажи. Мне. Этих. Ублюдков.

Под испепеляющим взглядом Адама Максим будто стал меньше.

Соколов подтащил эмоционально запрессованного приятеля к главной улице, где у клуба в основном ошивались солдаты и «гвардейцы».

– Ну? Которые?!

– Вон они... Вон те трое... как раз втроем стоят, у одного еще кепка набекрень...

– Понял.

Адам отпустил товарища и тот тут же стремительно бросился прочь, чтобы не засветиться как пособник страшного преступления, от которого могут серьезно пострадать даже самые мало-мальски причастные. А то что преступление сейчас свершиться он нисколько не сомневался. Уж больно бешеный взгляд у Адама.

Соколов видел сейчас только указанных трех солдат в слишком уж хорошем настроении. Они о чем-то весело разговаривали друг с другом попивая пиво из жестяных банок и покуривая самокрутки. Соколову вдруг подумалось, что они сейчас как раз обсуждают то, как совсем недавно измывались над беззащитной Мальвиной и это разъярило его еще сильнее, окончательно утопив рассудок в тумане жажды мести.

Адам двинулся прямо на троицу. Оружия у него не было, стволы во избежание всевозможных эксцессов отобрали, так бы он с огромным удовольствием расстрелял этих уродов с довольными рожами еще издалека. Но можно и без оружия если действовать четко и быстро, они своими стволами в свою очередь просто не успеют воспользоваться.

Но все же переть с голыми руками, не имея даже кухонного ножа на трех громил просто глупо. Но идти за ножами Соколов даже и не подумал. Оглядевшись по сторонам и не найдя ничего подходящего, вроде хорошей палки, а еще лучше ломика, он расшатал и выдернул из земли по плитке брусчатки, что покрывали дороги и тропинки в деревне, для того чтобы не было грязи.

Адам не сводя взгляда с ненавистных врагов, двинулся к ним, не замечая ничего вокруг, остальной мир словно перестал существовать.

На краю утопленного в горе, ненависти и ярости сознания все же появилась, что он совершает ошибку, но что либо изменить он уже просто не мог, да и не хотел. Душа требовала немедленного мщения и будь что будет.

Троицу окриком предупредил кто-то из товарищей, увидев какую-то неестественную картину: целеустремленнодвигающего с каменным лицом парня из местных с фигурными кирпичами в руках. Согласитесь, странная картина.

Троица перестав смеяться, стала озираться по сторонам и конечно заметила опасность, но это их не спасло. Они просто не успели среагировать. Тот что был ближе, стоявший к Адаму спиной, увидев изумление на лицах товарищей обернулся и получил увесистой плиткой прямо в лоб отчего тут же рухнул с проломленным черепом и обильно заливающей лицо кровью.

Адам замахнулся вторым рукотворным камнем и бросил его в следующего врага. Солдат попытался увернуться, но оказался недостаточно резв. Плитка пришлась ему в район правой ключицы, наверняка переломав несколько костей, что подтвердил дикий крик раненого. А нечего было бронжилеты снимать. Расслабились.

На третьего противника, ошалевшего от неожиданности, но справившегося со ступором и начавшего приводить оружие в боевое состояние Соколов бросился с кулаками и повалил его на землю в зверином желании добраться до глотки и вырвать ее зубами.

– Убью падаль...

Видимо ненависть придает сил, невероятно много сил, потому что он словно играючи сломил сопротивление здорового мужика минимум в два раза сильнее его и добравшись до горла стал душить его, сдавливая пальцы точно пневматическими клещами, одновременно пытаясь разбить врагу затылок встряхивая тело с силой обрушивая его на пол. Под пальцами хрустнули какие-то хрящи, но Адам продолжал давить с рычанием продолжая сотрясать уже обмякшего, задохнувшегося врага...

К месту происшествия на выручку своему товарищу уже спешили другие солдаты из «гвардейцев». Большая их часть ошетилилась стволами, чтобы охладить пыл заволновавшейся толпы, которая как казалось, вот-вот поднимет мятеж против захватчиков, но бесполезный и кровавый, в том плане, что кровь прольют только их.

– Отпусти его или я тебе мозги вышибу! – кричал кто-то подбегая.

Но Адам его не слышал, не хотел слышать, продолжая удавливать врага руками превратившихся в клешни. Наверное он и не смог бы их разжать, даже если бы и захотел. Пальцы свело судорогой. Жертва уже посинела лицом, язык вывалился, а покрасневшие от лопнувших капилляров глаза казалось вот-вот вылезут из глазниц. Из разбитого затылка текла кровь, разбитого о пол.

Ударом ноги в голову кто-то сбил Адама с его жертвы. Удар получился сильным, так что из глаз натурально посыпались искры, а в глазах стало двоиться. Явное сотрясение мозга. Он попытался подняться, но руки вдруг стали непослушными, то и дело подламываясь в локтях.

– Падаль! – рыкнул сбивший Адама «гвардеец» передергивая затвор автомата.

– Нет! – раздался пронзительный в отчаянии женский вскрик.

А в следующее мгновение грохнула короткая очередь из АК.

Адама что-то дважды ударило в спину, и он секунду спустя, быстро потеряв все силы повалился на свою затихшую жертву. В местах удара сильно защемило и стало мокро.

Еще и сверху что-то придавило.

* * *

Он все же нашел в себе силы пошевелиться под этим грузом и стало легче. Груз со спины исчез, точнее соскользнул с него.

Посмотрев что на него упало Адам застыл. Рядом без движения, на спине лежала Мальвина. Она смотрела на него, слабо улыбаясь, а на груди тоже намокало два красных пятна. Пули прошли навывлет. Он сразу понял, что она попыталась закрыть его своим худеньким телом, но для пуль АК оно оказалось все равно, что лист бумаги.

– Только не это... Мальвина... Что же ты... Зачем?

Она что-то прошептала, отвечая, но Соколов не расслышал.

Соколов попытался дотянуться до Евы, но воссоединиться с девушкой ему не дали. Несколько солдат налетели на него и стали избивать ногами раненого.

– Прекратить! – прозвучал легко узнаваемый голос полковника Парнова. – Что тут произошло?

Солдаты тут же оставили свое занятие, вытянувшись в струнку.

– Этот ублюдок убил двоих и тяжело ранил одного нашего! – выкрикнул кто-то из солдат.

– Не орать! Отвечать по форме!

– Так точно господин полковник! Этот уб... рядовой напал на троих наших. Убил двоих и одного серьезно покалечил.

– Вижу. Поднимите его.

Двое солдат тут же грубо с силой тряхнув, чтобы причинить еще больше боли подняли Адама с пола подхватив за руки. К Мальвине бросился доктор, пытаясь прямо на месте остановить кровь. Ему больше мешала, чем помогала причитающая и ревущая мать Евы.

– Ну и зачем ты это сделал?

Адам только сплюнул кровавую пену и захрипел. У него похоже было пробито легкое. Вместо ответа он лишь посмотрел на Мальвину.

– Ясно, – все понял полковник, оценив живописную картину. – Эти трое позабавились, а этот отомстил. В итоге армия потеряла троих солдат, если считать с тобой. Ты дурак рядовой... дурак. Мог в бою отомстить. Кто там разберет, откуда пуля прилетела? А возможности у тебя появились бы очень скоро. Ну да, в такие моменты особо не думается... все больше чувства, гормоны... Тем не менее как бы ни были благородны твои мотивы, за преступление придется ответить по всей строгости, да еще в условиях военного времени. Твоя казнь послужит уроком для других...

– Только моя? – сплюнул Адам кровавую слюну.
– Что, только твоя? – не понял полковник.
– Казнь.
– А чья еще?
– Третьего...
– А его за что?
– Они были втроем... мне сказали, что ваши законы весьма суровы с насильниками... – закашлялся Соколов после такой длинной фразы.
– Это так, насилие не приемлемо и карается смертью. Но тут есть одна закавыка рядовой.
– Какая?..
– Законы распространяются на людей. На ЛЮДЕЙ, а не на мутантов. А твоя подружка, даже без генетического анализа ясно – мутант. У нормальных людей не бывает синих волос. Так что в юридическом отношении эта троица чиста. Конечно трах мутанток это своего рода извращение, но...

К полковнику подошел лейтенант, явно не просто так.

– В чем дело? – отвлекся Парнов.

– «Академики» прибыли.

– Черт бы их побрал...

От так называемых «академиков» никто неприятностей не ждал. В силовые конфликты они не вмешивались по определению, являясь нейтралами. Но если где-то все же начиналась кровавая заваруха, то они спешили туда дабы оказать помощь раненым ибо с этим умением у конфликтующих сторон было плохо.

Самих «академиков» никто никогда не трогал. Они являлись сосредоточием научного потенциала и любая атака на них могла похерить последние крупницы знаний. Какими бы идиотами не были различные бароны, графы, герцоги и князья, но даже они понимали, что без ученых их знаний их умений, оборудования Братскому анклаву придет писец в считанные годы. Ну а если такой идиот все же бы нашелся, то помимо армии «академиков» такого тугодума начали бы рвать все остальные, объявив против него своеобразный крестовый поход.

Так что портить отношения с «академиками» ни у кого желания не было. Может они и не вмешиваются в происходящее непосредственно, но ведь есть еще и опосредованные методы влияния и они ничуть не менее, а может даже и более действенны прямого вмешательства.

– Задержать? – предложил лейтенант.

Полковник огляделся. Видимо он увидел что-то совсем уж нехорошее в глазах обступивших место происшествия жителей деревни Тунак. Раненой что лежала у его ног, и без того жестоко изнасилованной его солдатами, требовалась немедленная помощь и если медлить... и то что она мутант сейчас ничего не меняет. В общем, следовало проявить осторожность, потому полковник Парнов отрицательно мотнув головой, и хмуро ответил:

– Пусть проезжают.

Лейтенант отбежал, чтобы отдать соответствующий приказ на пост.

– Но как не вовремя... – разочаровано добавил полковник, глядя на совсем уже обессиленного и побледневшего от потери крови и пускающего кровавые пузыри Адама. Ему никто перевязок не делал. Доктор закончив с Евой было сунулся, но его грубо отшили. – Да бросьте вы его.

Солдаты с готовностью выполнили поручение и Адам грохнулся на землю. К нему тут же подскочил доктор.

В пределы деревни минуто спустя как было дано разрешение, вкатилась колонна состоящая из трех крытых грузовиков и одного «уазика». За стенами остался легкий БРДМ. Из «уазика» вышел высокий человек в белом халате с гербом Академгорода на рукаве в виде крас-

ного креста из-за чего в купе с их нейтральной позицией в отношении военных конфликтов иногда звали швейцарцами.

– Нам стало известно о боевых действиях, – начал он. – Академгород соблюдая военный и дипломатический нейтралитет, просит разрешение забрать у сторон участников конфликта, всех кто получил ранение в ходе данного конфликта, и неважно, чьей стороне принадлежат раненые, наш долг помочь всем.

– Да-да! – тут же закивал доктор Матвей весь в крови Евы и Адама. – Возьмите наших, у нас много раненых!

– Вы не против? – обратился «академик» к полковнику Парнову, понимая, кто тут в действительности все решает.

– Не против... – буркнул тот.

Раненых со всех концов деревни тут же потащили к дрезине.

– Как я сказал, мы можем забрать и ваших, – продолжил «академик». – Я смотрю, у вас тоже много раненых, в том числе и тяжело.

Полковник кивнул. Раненых у него действительно хватало и больше половины из них в ближайшее время без квалифицированной помощи могли дать дуба, а подобную помощь он в ближайшее время им предоставить не сможет. Может они и ранены относительно легко, но может случиться заражение крови, а лекарств в отличие от оружия и боеприпасов очень мало. Оно портится гораздо быстрее тех же патронов и взрывчатки. Так что пусть свои запасы тратят «академики», благо что бесплатно. Тем более что они вроде как наладили производство самых необходимых медикаментов.

– Берите...

В один из грузовиков стали укладывать солдат Аталанка. Парнов приблизившись к ним, напомнил новобранцам рекрутированных с захваченных деревень:

– Не вздумайте задерживаться у «академиков» слишком долго. Если по истечении времени излечения вас не будет в строю, кое-кто из ваших родных за все заплатит.

– Этого тоже... – указал на Адама «академик».

– Э-э нет, – остановил санитаров полковник. – Этот останется здесь.

– Но он же ранен.

– Он преступник и будет казнен.

Глаза «академика» нехорошо сузились.

– Вот как?

– Да.

– Полковник, – произнес «академик» медленно и веско, – мы конечно нейтралы и в равной степени помогаем всем сторонам конфликта в чем вы только что могли убедиться. Мы сохраняем жизни, какие бы ублюдочные они ни были... потому что жизнь, это жизнь, она дает начало новой жизни и чем больше жизней удастся сохранить тем больше шансов на сохранение цивилизации и ее возрождение в будущем. Это наш долг и призвание, как бы к подобной цели не относились лично вы и вам подобные... Но, мне тоже ничто человеческое не чуждо. Иногда мне вместо того, чтобы спасти чью-то жизнь, хочется наоборот ее оборвать, несмотря на клятву Гиппократов. Потому я спрашиваю вас полковник, для вас действительно так важно казнить этого человека? Так важно, что вы готовы лишиться пяти-семи своих солдат, что могут вернуться под ваше командование через месяц другой?

Парнов набычился, глянув на «академика» исподлобья, и положив руку на кобуру с пистолетом, в свою очередь угрожающе прошептал:

– Этот дохляк так важен для вас, что вы готовы сами отдать свои жизни?

– Только без угроз полковник. Тронете нас хоть пальцем и ваше гребаное графство размажут точно кролика катком. Соизмеряйте свои желания, возможности и последствия от необдуманных решений полковник.

– Что же вам мешает так поступить? Ведь мы же вам не нравимся. Возьмите и размажьте. Или ваши угрозы только пустые слова?

– Мешает то что в этом случае прольется совсем уж большая кровь, начнется война всех со всеми. Никому не нужна полная анархия и хаос. Мы и так стараемся привести всех к миру, но некоторым слова разума все равно что пустой звук. Им нужна только власть, а там хоть трава не расти. И ваш Краснов один из таких моральных уродов.

– И все же вы готовы пойти на этот конфликт с нами ради одного человека, который вот-вот кони двинет?

– А вы готовы ради этого человека, что вот-вот двинет кони, и лишиться всех своих завоеваний начав войну на два фронта, по сути против всех? Силенок хватит? Уверены, что Краснов простит вам эту неуступчивость, которая может ему так дорого обойтись?

«Академик» и полковник долго мерили друг друга взглядами, но в какой-то момент Парнов отступил, в раздражении махнув рукой. Глядя на пускающего кровавые пузыри раненого корчащегося в муках, он бросил:

– Забирайте эту поганую дохлятину. Все равно он сдохнет еще до того как вы его довезете до своего госпиталя.

Соколова тут же подхватили санитары «академики», положили на носилки и аккуратно разместили на дополнительной специальной платформе грузовика, где им тут же занялись медики, начавших вкалывая какие-то лекарства, перевязывая раны стабилизируя его состояние, чтобы он смог дожить до прибытия в Академгород, где ему будет оказана настоящая медицинская помощь.

При приближении колонны «академиков» к переправе, она увеличилась в три раза, присоединились грузовики побывавшие в баронстве Ингер.

Глава 5

Академгород всегда представлялся Адаму каким-то раем на Земле. Белые стены, много света, всюду красивые цветы, бабочки порхают, улыбающиеся люди в чистых белых одеждах, у домов лужайки с самой обычной зеленой травой что не коснулась и не изменила проклятие Апофиса, и так далее и тому подобное. В общем, что-то сказочное. Про Академгород и его жителей ходило столько легенд, что он просто перестал восприниматься как что-то реальное.

Так это было или нет, Соколов так и не увидел, потому что очень скоро потерял сознание, а очнулся уже на койке в госпитале. В нос сразу ударил специфический больничный запах хлорки и лекарств.

«Боже, какой же я дурак, какой дурак, – в горьком раскаянии ругал себя Адам, как только полностью осознал что же он наделал. – Ну зачем я это сделал? Ведь говорили же мне: не надо, только хуже будет... Не послушал и из-за меня дурака Мальвина только еще сильнее пострадала. Мальвина...»

– Мальвина...

– Заткнись Буратино, а то сейчас Карабас-Барабас придет... – прозвучал чей-то раздраженный голос. – Дай поспать.

– Сами помолчите Жарков, – вступилась за Адама Соколова дородная женщина в белом халате, только что вошедшая в палату с саквояжем в руке, – или забыли как сами еще неделю назад вопили и не давали спать соседям?

Кто-то сдавленно хохотнул, видимо свидетель тех воплей.

Осаженный болью недовольно засопел, хмуро взглянул на медсестру и повернулся на кровати лицом к стене.

Медсестра между тем присела рядом с Адамом и стала щупать его пульс, потрогала горячий лоб замерив температуру градусником вложив его подмышку, послушала дыхание стетоскопом.

– Мн-да, дела у вас конечно не ахти, – озабоченно сказала она после всех этих процедур. – Похоже легкая лихорадка, но вы идете на поправку молодой человек. Сейчас я вам дам нужные лекарства, чтобы еще немного сбить жар.

Она порылась в саквояже и достала оттуда несколько таблеток и маленькую пластиковую бутылочку с водой.

– Вот выпей...

Адам выпил предложенные таблетки и обливаясь потом, без сил рухнул на куцею подушку и тощий ватный матрац, застеленный изрядно изношенной простыней. Сейчас он чувствовал себя просто препаршиво, как никогда.

– Спасибо...

Медсестра, оказавшаяся доктором, уже собиралась вставать, чтобы осмотреть других больных в палате, но Адам ее остановил, взяв за руку.

– Скажите... что с девушкой?..

– Какой девушкой?

– Ее привезли вместе со мной... Мальвина. То есть ее зовут Ева... У нее еще волосы синеватого цвета... Скажите мне...

– Успокойтесь больной. Вам нельзя так сильно волноваться. Я не знаю что с ней, но если вам так необходимо...

– Да мне необходимо... Жизненно необходимо... прошу вас узнать как она...

– Если вам так необходимо я попробую узнать что с ней. Женское отделение находится в другом крыле госпиталя, так что вам придется некоторое время подождать. До следующего обхода.

– Хорошо... Спасибо...

Доктор ушла, проверив всех больных находившихся в данной палате, и Адам стал ждать известий о Еве. Верить в худшее не хотелось, но эти два быстро растущих пятна на ее простреленной груди так и стояли перед глазами Адама.

Соколов через какое-то время снова впал в сонное забытие. Очнулся же оттого, что кто-то громко рассказывал захватывающую историю об отражении нападения мутантов на какую-то деревню.

– ...И тут они на нас поперли! Боже, какие же то были уроды!

– А на кого они походили?! – заинтересованно спросил другой обитатель палаты.

– Да я даже и не знаю с чем сравнить, честное слово. Черные все такие, пищат противно, аж уши ломило, ну а внешне больше смахивали на каких-то карликовых медведей. Детеньшей. Или наоборот на подросших росомах. Мутанты одним словом и какая разница от кого они произошли. Твари они и есть твари. В общем, рвали эти уроды человека пополам как не фиг делать!

– Так может это и были мутировавшие медведи или росомахи?

– Все может быть, особо и не разглядеть, так это или нет, да я и говорю какая собственно разница? И ведь подыхать твари не хотят! Я лично в одну гадину весь рожок всадил с пятнадцати шагов из АКМ, так ей хоть бы хны. Только на задние лапы встало и ревело от боли, да черной кровью исходило. Но не падала, а потом вновь вперед пошло. Я уж и в район сердца садил, хотя хрен знает где теперь у этих тварей сердце располагается, я и в голову долбил, все едино. Более того, от их бошек пули реально рикошетили, ну чисто как от брони стальной.

– Да ну?!

– Вот тебе и «да ну». Потом замерили толщину лобной части черепа, так прикиньте, три сантиметра кость! И прочная! Пилить замучались. Хорошо что их хоть немного к нам пробралось, всего дюжина. Будь их больше, даже и не знаю, справились бы или нет. Всех бы там сожрали сволочи. И умные, сразу в дверь лезли. Пара ударов с короткого разбега и дверь начисто выносили...

– Как же вы их положили таких неуязвимых?! – удивился кто-то.

– Да кого как... Кого сожгли, кому башку к чертям оторвали...

– Это как?!

– Да там у нас один чудик с мечом есть. А меч у него страсть какой большой в человеческий рост не меньше, учитывая что сам он под метр девяносто. И весь такой кривой, в смысле волнистый, это я про меч, – поправился рассказчик видя ухмылки на лицах слушателей, – а не про чудика нашего, двуручником называется. Хотя рук там наложить можно раз в пять больше...

– Вот это да!

– Ага. Он до Катастрофы этим был, как его... ролевиком-реконструктором. На мечах значит сражался с такими же чудиками как он сам, турниры, то да се... баловство в общем. А так кузнец... У него и доспехи есть. Доспехи эти кстати ему пару раз жизнь спасли, когда эти монстры его когтями доставали...

– Смелый чувак лицом к лицу с монстрами сходиться!

– Это да, хоть и чудик, но смелый. Так вот, он этим мечом как взмахнет, отскочит быстро чтобы в объятья когтистые не попасть, и башки у мутанта нет. Почти половину так перебил, ну штуки четыре точно завалил. А другим в глаз надо попасть, только так пуля до мозга достает. Вот только глаза у этих тварей махонькие как один рубль. Да и под определенным углом пулю засадить надо, чтобы в мозг попасть. Намучились в общем...

– Это понятно. С мутантами без мучений не справиться... И много у вас в деревне погибло от напасти этой?

– Не знаю... – вздохнул рассказчик. – Но не ошибусь если скажу что с сотню они порвали точно, это всяко разное...

– Так много?!!

– Да...

– Как же они у вас появились-то? – спросил кто-то недоверчиво.

– Ночью через забор перелезли. Как еще они могли появиться?

– А у вас что, полей минных нет?!

– Есть, как не быть. Все как у людей... Только вот не задели они ни одной мину, сволочи, прошли ну чисто след в след. Учужали как-то.

– Ну и дела...

– А до той ночи подрывы были?

– Да... точно, три ночи подряд мины срабатывали, но кроме крови ничего не находили.

– А до этого, никто из ваших случайно не мочканул похожую тварь?

– Намекаешь, что они приходили мстить? – удивился рассказчик.

– Пытаюсь это понять. Есть один похожий случай, как на деревню напали мутанты, после того как одного из них завалили. Вот и спрашиваю, валили ли ваши кого-то из них или нет, чтобы точно понять мстить они приходят или просто в магазин за свежим мясом притопали.

– Хм-м... – задумался рассказчик. – А ведь верно, завалил Палыч кого-то в лесу...

Палата погрузилась в тишину. Все переваривали услышанное и оно не радовало. Если какие-то твари поумнели настолько, что научились обходить минные заграждения, да еще из чувства мести, то дело совсем дрянь. Придется придумывать новые системы охраны и предупреждения. Но где гарантии что мутанты не ожегшись о них пару раз, не сообразят что к чему и не обойдут их в третий раз? А у людей не так уж много способов самозащиты и с каждым годом их становится все меньше. Остается только не трогать тварей, но ведь иной раз миром с ними не разойтись, сами первыми нападают...

– О! Обед приехал!

На входе в палату действительно показался медбрат, подкативший двухъярусную тележку. В ее верхней части стояла кастрюля из которой пахло чем-то съедобным.

– Что на этот раз?

– Бобы.

– Ну да, мог бы и не спрашивать.

Пациенты глухо хохотнули. Видать бобы являлись единственным блюдом, по крайней мере в обед. Пациенты стали подходить и брать пластиковые тарелки с ложками с нижней части тележки, а медбрат накладывал им еду поварешкой. Кто не мог двигаться самостоятельно, как сейчас Соколов, помогали ходячие.

– А вы?

– Я не хочу... – слабо ответил Адам.

Есть он действительно ничего не хотел.

– Надо братан, – сказал недавний рассказчик и взял еще одну порцию и подал Адаму. – Тебе нужно подкрепиться иначе совсем загнешься.

– Спасибо...

Адам поддел несколько бобов ложкой и стал их медленно пережевывать.

– Что с тобой кстати?

– Ранили... две пули в спине...

– Разборки? Война?

– Война...

– Где?

– Баронство бонд...

– Далеко...

Так за расспросами Адам рассказал почти всю историю нападения аталанкцев, как они набирали рекрутов и тут же гнали их в бой и несмотря на то что как считается разговор мешает потреблению, за этим разговором он съел половину порции.

– Вы не знаете, когда здесь второй обход?

– Зачем тебе?

– Это он о своей телке беспокоится, – встрял Жарков. – Кстати Буратино, чего у нее волосы синие? Мутантша?

– Отвали, – заступился рассказчик, видя как напрягся Адам и задрожала его рука с тарелкой. – А ты успокойся... Нет я не знаю, я тут новичок в отличие от тебя, но ты видать долго без памяти валялся...

– Да уж немало и достал всех порядком... – снова буркнул Жарков.

– Вечером. Через пять часов заглянет, – подсказал кто-то еще.

В назначенный час появилась с обходом та самая дородная докторша. Выглядела она так, что Адаму резко поплохело, от нее словно исходили плохие новости, так что не требовалось никаких слов, чтобы все понять. Но он все же непослушным голосом спросил:

– Как она?

– Мне очень жаль молодой человек, но... ваша девушка скончалась... от потери крови... Мы ничем не смогли ей помочь...

Адам закрыл глаза и тихо застонал. Захотелось умереть и даже жажда мести куда-то улетучилась, ведь третий насильник все еще жив. Да и за мать надо посчитаться, но стало как-то все равно. Никого не вернуть.

* * *

Через какое-то время Адам смог передвигаться самостоятельно, так по стеночке, по стеночке... По крайней мере до туалета доползти. Но все что он делал – делал с неохотой, через силу. Ему было все равно, на все наплевать. В какой-то степени он даже жалел что выжил, что его спасли «академики». А зачем жить, если он потерял все: семью, дом, любимую? Уж лучше бы он отправился вслед за ними. Авось, проповедники и впрямь говорят правду и люди после смерти воссоединяются на небесах в Раю? Ведь видят же умирающие, а потом спасенные от смерти люди белый свет, туннель, как им было легко...

Тяжелое в психологическом плане состояние пациента не могло не остаться незамеченным докторами и когда он достаточно окреп физически его пригласили в кабинет, на двери которого висела табличка «психолог В. И. Знаменский».

– Разрешите? – постучав и войдя в комнату, спросил Адам безжизненным голосом.

– Присаживайтесь, – пригласил Знаменский, с некоторым трудом выйдя из-за стола. – Я вас давно уже жду.

Адам послушно сел, даже скорее лег, на указанное престарелым, лет шестидесяти, а то и всех семидесяти, психологом кресло с сильно откинутой спинкой.

– Удобно?

– Вполне.

– Расслабься...

Полулежа в этом мягком кресле Адам невольно огляделся вокруг. Кабинет психолога сильно отличался от всех прочих помещений, что ему доводилось видеть вживую, только в кино. Комната с двумя картинами морских пейзажей на стене, шкаф снизу доверху забитый множеством книг, в большинстве своем трудами по психологии. Ковер на полу. На небольшом столике «ночник», освещавший кабинет, едва разгоняя тьму своей слабосильной лампой. Потолочная лампа не работала. Видимо, потушена специально для создания наиболее тесного и доверительного контакта между врачом и пациентом.

– Как ты себя чувствуешь Адам? – спросил доктор, присев на стул возле лежака для пациентов.

– Нормально...

Доктор только кивнул.

– Ты в Академгороде уже без малого два месяца, ваши раны почти зажили, а значит все ближе время выписки.

– Выписывайте...

– Мы это конечно сделаем, никто лишнее время тебя держать не станет, потому как раненые поступают постоянно и всем нужно место, – кивнул Знаменский. – Но проблема в том, что тогда получится не очень хорошая вещь, все наши труды пойдут насмарку, впустую, а это плохо. Мы работаем не для того. Слишком много сил, времени и средств мы затратили на твое восстановление молодой человек. И нам не нравится осознавать что все наши усилия пропадут пойдут прахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.